

Сergeй Красов

Заочница

Сергей Красов

Заочница

«Издательские решения»

Красов С.

Заочница / С. Красов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962965-4

К осуждённому, отбывающему срок в колонии на севере Свердловской области, выехала на свидание девушка и пропала. Когда об этом становится известно, начальник отдела безопасности колонии майор Тарасов вынужден взять очередной отпуск, чтобы заняться расследованием. Но текущие вопросы всё равно отвлекают.

ISBN 978-5-44-962965-4

© Красов С.
© Издательские решения

Содержание

Сергей Красов	6
Предисловие автора	7
25 августа 1994 года	9
Про кота и Крота	19
26 августа 1994 года	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Заочница

Сергей Красов

© Сергей Красов, 2019

ISBN 978-5-4496-2965-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Красов
З А О Ч Н И Ц А
Криминально-печальная повесть

Предисловие автора

В процессе работы над этой книгой меня не покидало ощущение какого-то изъяна, недосказанности, отсутствия какого-то важного штриха, такого, что сделает всё произведение ясным и понятным.

И только, работая над финальной частью, я понял, чего здесь не хватает. Читатель имеет право знать, какую цель ставил перед собой автор, когда решился нагло распорядиться его (читателя) личным временем, потраченным на чтение этой книги. К слову, тем, кто будет сожалеть о потраченном времени, заранее приношу свои извинения.

В книге нет захватывающей интриги, отсутствуют описания драк, погонь и перестрелок, нет эротических сцен. В основе сюжета лежит история, имевшая место в действительности. События происходили в девяностых годах прошлого века. Указанные даты точно соответствуют событиям основного сюжета. Некоторые герои имеют реальных прототипов (но не все).

Идея написать об этом книгу возникла в моей голове ещё во время службы в органах. Более двадцати лет, говоря по-русски, руки не доходили.

Главная цель этого произведения – показать без прикрас работу сотрудников исправительно-трудовой колонии, их взаимоотношения между собой и осуждёнными, нелёгкие бытовые условия, в которых находятся и те и другие. Я уверен, что большинство жителей нашей страны имеют поверхностное или превратное понятие о жизни этой части нашего общества.

К моему глубокому сожалению, всё, что мне удалось прочитать в литературе на эту тему и увидеть в многочисленных сериалах и фильмах, очень редко соответствует действительности.

Почему-то принято изображать сотрудников колоний хитрыми, коррумпированными садистами, которые делают всё, чтобы максимально усложнить жизнь безвинно осуждённым страдальцам. Часто в фильмах можно увидеть, что в колонии проводятся какие-то чемпионаты по боям без правил с трупами в финале. Или в книге описывают, как осуждённого «авторитета» по указанию администрации торжественно «опускают» перед строем. Бред полнейший!

Начальник оперчасти, он же «старший кум», как правило, выставляется главным интриганом. Он решает, кого и каким способом надо убить или «опустить».

На самом деле то, чем занимаются в зоне оперативники, можно назвать интригами, но правильнее – оперативными разработками. И направлены они на предотвращение преступлений – убийств, побегов, а также – драк, гашение конфликтов в зародыше. За каждое допущенное в колонии преступление наказывают в первую очередь оперов, как за упущение в работе по профилактике. А полученное взыскание автоматически удлинняет срок ожидания очередного звания. Вот и задумались бы авторы некоторых опусов, будут ли оперативники вредить сами себе?

Времена сталинского ГУЛАГа, описанные Солженицыным, давно прошли. (А он ещё, вдобавок, много чего преувеличил.) Сейчас большинство офицеров, работающих в колониях, имеют высшее и средне-специальное юридическое образование. Любая жалоба осуждённого, даже отправленная нелегально, тщательно проверяется прокуратурой и многочисленными правозащитниками. Мне лично приходилось проводить целое расследование по жалобе осуждённого, отправленной нелегально и находившейся на контроле прокурора. Смысл этой жалобы – ему, якобы, недосчитали за месяц зарплаты целых четыре рубля.

Конечно, сотрудники колоний далеко не ангелы. Они обычные люди с обычными человеческими характерами и недостатками. Постоянное общение с рецидивистами, конечно, оказывает определённое воздействие. Но, назвать это воздействие профессиональной деградацией, было бы неправильно. Кто-то под этим воздействием со временем разлагается и опускается до уровня «контингента». А кто-то, наоборот, набирается жизненного опыта и становится устойчивей к различным жизненным напастям.

Герои книги в общении между собой иногда допускают ненормативную лексику. То есть, разговаривают на том языке, на котором привыкли общаться между собой. Я постарался максимально оградить нежные уши некоторых читателей от нелитературных слов и выражений, но иногда они всё-таки прорываются. Тут, как говорится, из песни слов не выкинешь.

Всё это и многое другое я и попытался отобразить в книге, а как получилось – судить читателю.

25 августа 1994 года

Сегодня Серёга шёл на работу в прекрасном расположении духа. Ночью прошёл дождь, освежил воздух, наполнил его густым ароматом трав растущих на болотах, посреди которых располагался посёлок. Серёга с удовольствием вдыхал полной грудью по-утреннему прохладный воздух, прислушиваясь к своему тридцативосьмилетнему телу. В теле сегодня не болел ни один орган, не ныла ни одна мышца.

Его походка была лёгкой и стремительной. Необходимость постоянно носить офицерскую форму с годами выработала стройную осанку, ноги в хромовых сапогах буквально печатали каждый шаг, независимо оттого видел ли это кто-нибудь со стороны или нет.

«Хорошо, когда не пьёшь!» – подумал Серёга уже не первый раз за утро, подходя по улице Лесной к её началу – высокому обрывистому берегу речки Росинки. Эта речка и дала название посёлку. В этом месте в Росинку впадала такая же небольшая речка-ручей Крапивка, а дальше, метров через триста, Росинка, петляя, впадала уже в настоящую, судоходную реку Тавду. Сейчас, в середине августа, Росинка была еле заметным ручьём. Но именно в этом месте, каждый год в начале лета она превращалась на два месяца в широкий залив, пруд, озеро. На одном берегу этого водоёма – со стороны посёлка – на песчаном пляже плескалось и загорало местное население, а на противоположном берегу, там, где разлившаяся вода поднимала остатки навоза на кондворе, синели наколками тела зеков-бесконвойников.

Сейчас вода отступила до следующей весны, обнажив дно и берега, усыпанные топляком – древесиной всех сортов и размеров, до которой никому дела не было. Чего-чего, а древесины в посёлке хватало. На противоположном берегу котлована образованного петляющим руслом речки и располагалось основное рабочее место большинства жителей посёлка – жилая зона ИТК-14, – колонии особого режима. Здесь Серёга, он же майор Тарасов Сергей Андреевич и работал в должности начальника отдела безопасности и оперативной работы.

– Внимание! Граждане осуждённые! Выходим строиться на развод, – донёсся со стороны жилзоны усиленный динамиками голос дежурного по колонии. «Опаздываю, подумал Серёга и, ускоряя шаг, поправил себя, – начальство не опаздывает, а задерживается». Хотя над Серёгой тоже было начальство, которое любило придирается к пяти-десятиминутным опозданиям на развод, делая из этого трагедию. В то же время абсолютно не замечало ежедневных переработок по несколько часов в вечернее и ночное время и отсутствие выходных иногда по несколько недель подряд.

Так же как и Лесная, под прямым углом к ней на обрыв выходила улица Октябрьская, в народе прозванная Пьяной. Улицы соединялись узкой тропой по краю обрыва с деревянным тротуаром на ней. Крайний барак на Пьяной практически нависал над обрывом. Поэтому здесь тротуар расширился, образуя небольшую площадку с деревянными перилами. Всё это опиралось на вбитые в землю сваи. На лавочке напротив крыльца кто-то сидел. Над перилами виднелась голова в форменной фуражке. На секунду голова запрокинулась, сверкнуло на утреннем солнце стекло бутылки.

Ещё не разглядев человека, но за долю секунды просчитав все возможные варианты, Сергей понял кто это. И через несколько шагов его догадка подтвердилась. На лавочке сидел его тёзка, друг и собутыльник майор Васильков. С сожалением поглядев на остающуюся в бутылке жидкость, Васильков попытался засунуть её во внутренний карман кителя, но после неудачной попытки привстал и засунул бутылку за пояс брюк. Сфокусировав слегка косящие глаза на приближающемся Тарасове, Васильков сменил напряжённое выражение лица на радостную улыбку и протянул руку для приветствия.

– Похмеляешься? – Здороваясь, поинтересовался Тарасов, абсолютно не удивившись.

– Так, вот... уже почти нечем, – заплетающимся голосом ответил друг и похлопал для убедительности по бутылке под китем, – а у тебя, случайно, ничего нет? – мотнул он головой в сторону жилзоны. – Сам то как? Охмелить?

– Нет, спасибо. У меня антизапойный период. Уже недели две ни капли. В кабинете у нас вчера вечером парни бухали, поэтому там наверняка всё подчистили, если что и было. Кроме пустых бутылок ничего не найдёшь. А ты откуда в такую рань? Дома то сегодня не ночевал?

– Хрен его знает, где я сегодня ночевал. Надо как-то дождаться, чтобы Наташка на работу свалила, здоровья нет, сегодня выслушивать, кто я такой.

– Всё правильно, только вот минут через тридцать-сорок всё сарафанное радио на работу потащится, так что засветка тебе обеспечена. Я думаю, лучше очередной раз жену выслушать. Из двух зол выбирают меньшее. Да и Наташке будет спокойнее, зная, что ты дома спишь, а не где-то.

– Да? Ты так думаешь?... – Тарасову показалось, что он слышит, как скрипят мозги в голове у собеседника, решая такой нелёгкий вопрос.

– Конечно. Должна же у кого-то из нас сегодня голова работать.

– Да... Ты прав... Я пошёл. – Васильков, пошатнувшись, сделал решительный шаг вперёд.

– Стой! Не туда. Давай по Лесной, здесь народу поменьше ходит. А там, через стадион, вдоль заборчика. Сам то дойдёшь? Помочь?

– Не. Не надо. Дойду. Опытный. – Надвинув козырёк фуражки на глаза, Васильков сунул на прощание потную ладонь и бодро зашагал вдоль обрыва.

Проводив его взглядом, Серёга опять подумал: «Как хорошо, когда не пьёшь!»

С Сергеем Васильковым Тарасов несколько лет проработал в одной оперчасти ИТК-22, тогда ещё отдельной колонии. Сколько за все эти годы было совместно выпито спиртного, – страшно представить. За всё это время между ними не было ни одной ссоры, хотя поссорить их пытались многие. Причина была в том, что, когда Васильков пришёл на работу в оперчасть молодым лейтенантом после окончания Вильнюсской спецшколы МВД, Тарасов на этом месте уже отработал три года, имел звание старлея, т.е. был старше и по возрасту и по званию. А впоследствии, когда стал начальником оперчасти, то и по должности. Васильков был по происхождению местным жителем. Тарасов попал в Росинку по распределению после окончания той же Вильнюсской школы, а Васильков здесь родился и вырос. Вся беда была в том, что он был хоть и незаконным, но родным сыном самого Цезарева Альберта Васильевича, – начальника Росинского отделения ЛИТУ. Полковник Цезарев много лет руководил отделением, являлся фактически местным удельным князем, жёстко командовал всей жизнью отделения и не терпел никакого инакомыслия. И когда вытекала информация об очередной совместной пьянке двух друзей, независимо от того, сколько ещё народу в ней участвовало, мама Василькова бежала жаловаться папе, что Тарасов оказывает отрицательное влияние на Сергея Альбертовича, фактически спаивает ребёнка. И Альберт Васильевич с высоты своего положения при малейшей возможности старался, как можно жёстче наказать «негодяя» Тарасова.

И если за один и тот же проступок Васильков получал выговор, который ему снимали через пару месяцев, то Тарасов отправлялся на суд чести, где его приговаривали к понижению в должности.

Суд офицерской чести в МВД, – это, когда все присутствующие на суде офицеры, выступая по очереди, говорят, что, мол, товарищ оступился, с кем не бывает, но он уже всё осознал, больше не будет, надо бы его простить. А председательствующий косится на бумажку, где почерком начальника написано «понизить в должности», заявляет, что у него своё мнение и оглашает решение, принятое начальством заранее.

Понизив Тарасова в должности, и поугав возможной ссылкой на самую дальнюю точку, где работают зеки колонии, оперативное начальство Управления оставляло его на прежнем месте в качестве исполняющего обязанности начальника той же самой оперчасти. Отбросив

эмоции и поразмыслив объективно, начальство понимало, что лучше него с некоторого времени обстановкой в колонии всё равно никто не владеет. Оставлять около тысячи особо-опасных рецидивистов без надёжного оперативного прикрытия было страшновато. А если ты начальник и понимаешь, что в подразделении есть кто-то, кто знает обо всех намерениях и движениях зеков, кто может самостоятельно разрядить постоянно возникающие конфликты, кто ведёт себя уверенно в любой сложной ситуации, то твоя задница намного спокойнее чувствует себя в руководящем кресле.

К тому же в случае эксцесса всегда есть, кого объявить крайним.

Непотопляемость Тарасова раздражала Цезарева. Он был производственником и ничего не смыслил в оперативной работе. Поэтому никак не мог понять, почему руководство колонии и оперативный аппарат Управления каждый раз не только оставляли Тарасова на том же месте, но со временем ещё и добивались его восстановления в должности.

Совсем по-другому обстояли дела у Василькова. Его наказывали только, если нарушение было слишком грубым и очевидным. Наказание заключалось в объявлении выговора, который снимался в течение двух-трёх месяцев. Такая безнаказанность сыграла в результате свою злую роль. Серёга Васильков стал выпивать всё чаще, зачастую в рабочее время, никого не стесняясь и не таясь, стал огрызаться со всеми, кто пытался делать ему какие-либо замечания или давать советы. Любая пьянка у него переходила в многодневный запой, выходить из которого с каждым разом было всё тяжелее. Но очередные звания он всегда получал вовремя. Со временем, когда Васильков был уже капитаном, папе Цезареву удалось даже выдвинуть его на повышение, на равноценную с вечно опальным Тарасовым должность – начальника оперчасти соседней колонии строгого режима. Но тут в верхах было принято решение об объединении двух колоний в одну и начальником вновь образованного оперотдела назначили Тарасова. А Василькова после серии громких залётов с пьянкой, папа перевёл подальше от глаз общественности на майорскую должность ДПНК в колонию-поселение расположенную в соседнем посёлке Ново-Быково в пяти километрах ниже по течению реки Тавда на другом берегу.

Начальник колонии поселения Василий Гончаров в своё время начинал карьеру рядовым опером одновременно с Васильковым. Он прекрасно знал, кто за ним стоит. Поэтому, Сергею была предоставлена полная свобода, – хочешь – работай, хочешь – пей, хочешь – отсыпайся, где захочешь. Чем тот и воспользовался. На территории посёлка Ново-Быково он стал появляться всё реже. Жил спокойно в Росинке с семьёй, по улицам в дневное время не болтался, зато с наступлением темноты зависал у кого-нибудь из друзей собутыльников, которыми являлись добрая половина выпивающего населения посёлка. Здесь между пьянками его и догнало очередное звание.

Получив майора, Васильков отметил это дело затяжным запоем, выйдя из которого узнал, что папа Цезарев наконец-таки ушёл на пенсию. Но сменивший его бывший заместитель Молчунов по привычке трепетал перед бывшим боссом. По всей вероятности у Цезарева были очень плотные личные связи с руководством Управления, где его ценили за особо выдающие услуги, оказанные в своё время.

Даже во время телефонного разговора с главным росинским пенсионером подполковник Молчунов по привычке вставал по стойке смирно. Поэтому безбедная жизнь Серёги Василькова продолжалась.

Тарасов оглянулся ещё раз на удаляющуюся фигуру Василькова и с сожалением отметил для себя, как изменился его друг за последнее время. Куда девался тот весёлый, остроумный, стройный рубаха-парень из которого энергия била через край!? Этот усталый мужик с серым лицом и потухшими глазами, с трудом что-то соображающий, был уже совсем другим человеком. Во время последних случайных и редких встреч Тарасов видел его только таким.

«А сам то я чем лучше, – подумалось Тарасову, – когда нажрётся, то, поди, ещё страшнее смотрюсь».

Страхнув с себя неприятные воспоминания, Сергей Тарасов ещё больше расправил плечи и ускорил шаг. На перекрёстке с улицей Школьной – главным росинским «проспектом», Тарасов, поворачивая направо, цепким взглядом машинально окинул улицу слева. Отметил вдалеке торопящегося человека в форме и при этом едва не столкнулся с бесконвойником.

– Так... стоять! Ты чё здесь трёшься, Смирнов? – Говоря это, Тарасов одной рукой держал зека за воротник, другой машинально и деловито ощупывал у него пояс и карманы.

– Так это... дежурный отправил за помощником Ворониным, говорит, что тот проспал, видимо, разбудить надо бы.

Тарасов оглянулся и узнал лейтенанта Воронина.

– Можешь не торопиться, он сам разбудился. Что нового?

– Андреич, тут такое дело, – понизив голос и оглянувшись – не слышит ли кто – скороговоркой зачастил Смирнов, – ночная разгрузка сегодня ночью должна грёв забрать на хате у мужика тепловозника. У него четыре посылки лежат, накопились за месяц, точнее – две посылки и две передачи. А он, ...то ли на больничном, то ли в отпуске. Никак завезти не может.

– Как зовут? Где живёт?

– От амбулатории за домом ветеринара, первый дом, квартира со стороны больницы, вторая дверь от улицы, зовут Володя.

– Разгрузка знает, что ты знаешь об этом?

– Не. Я в туалете сидел. Они рядом на улице договаривались. Какой-то полосатик подошёл к нашей хате, вызвал Витю из разгрузки на улицу и инструктировал. Этот полосатик видимо поддатый был, говорил громко, Витя его всё время одёргивал, – «тише-тише». Я так понял, что Витя из разгрузки и тот Володя тепловозник друг друга толком не знают, потому что Витя всё время уточнял, где живёт и как выглядит. Я побоялся выходить, сидел, жопу морозил, пока они не разошлись. Потом, не заходя в хату, смотался в столовую, булку хлеба принёс, что б оправдание иметь, где я был это время, если чё....

– Молодец, находчивый, – похвалил Тарасов и повернулся к запыхавшемуся Воронину, – за тобой гонца отправили.

– Да, блин,... проспал,... Андреич, – не снижая скорости и здороваясь на ходу, пробубнил Воронин.

– Чё, Вова, у стенки спал? – смеясь, крикнул ему вдогонку Тарасов.

– А.., что? Да не, жена тут не при чём. Вчера с покоса поздно добрались, мотор на лодке что-то забарахлил... – удаляясь вперёд вместе с бесконвойником, который рядом с ним перешёл на бег, объяснял Воронин, как бы репетируя оправдания для начальства.

Тарасов же, наоборот, сбросил скорость, обдумывая полученную информацию.

Личный интерес в оперативной работе.

«Грев» или «Подогрев» – это незаконная передача осуждённым со свободы продуктов питания, спиртного, наркотиков, предметов, запрещённых к использованию в ИТУ и т. п. Выявление и пресечение каналов таких поступлений является составной частью профилактики преступлений – одной из главных задач в работе оперчасти.

В каждой из изъятых таких посылок всегда в обязательном порядке присутствовали если не спиртные напитки в чистом виде, то хотя бы главный компонент для их производства – дрожжи. Большая часть пьянок у зеков заканчивалась выяснением отношений, драками, телесными повреждениями, а то и убийством. Стоило только зекам немного расслабиться, сразу же наружу выплёскивались все негативные эмоции, что сдерживались до поры, злость и ненависть на всех и всё окружающее, на свою собачью жизнь в неволе.

Сколько раз за годы службы приходилось Тарасову, как и другим сотрудникам колонии, растаскивать драки пьяных зеков, доставлять их невменяемых в ШИЗО (1), преодолевая отча-

янное сопротивление, выслушивать угрозы и оскорбления в свой адрес. (*Здесь и далее примечания автора. ШИЗО – штрафной изолятор*). А потом получать взыскания от мудрого начальства и угрозы и оскорбления уже с другой стороны – сверху. «Допустили! Проворонили! Просрали! Чем вы там занимаетесь в своей оперчасти, только водку жрёте!!!» Это самое приличное из всего, что приходилось выслушивать в таких случаях от того же Цезарева. Особенно, если пьянка заканчивалась убийством. Но убийства, слава Богу, случались не часто, в среднем два – три раза в год. Такие случаи считались ЧП, проводилась тщательная проверка, иногда комиссии приезжали из далёкой Москвы, и доставалось всем. Больше всех, конечно, сотрудникам оперотдела.

Самое неприятное в получаемых взысканиях было то, что они тормозили присвоение очередного звания. А нести службу в такой дыре, да ещё и звания во время не получать, – это уже на грани издевательства

Поэтому в изъятии запрещённых передач у оперсостава была ещё и прямая личная заинтересованность.

Ещё один, так сказать, шкурный интерес принуждал оперов тщательнее относиться именно к этой части своей работы. По закону всё содержимое незаконной передачи подлежало уничтожению. Как именно – в законе умалчивается. А у какого нормального, иногда выпивающего русского мужика поднимется рука разбить бутылку водки или коньяка? «Разбить? Поллитра? Вдребезги?! Д а я тебя!!!» – Эти слова Балбеса в бессмертной комедии не зря вызывали понимание у всего населения страны. Тут ещё надо учитывать один момент. Зеки, которые пытались получить незаконным путём что-то с воли, привлекались за это к дисциплинарному взысканию. Их вольные друзья и родственники за это же самое несли административную ответственность по ст.136 Административного Кодекса. Поэтому жалоб с обеих сторон, как правило, не поступало. Какой смысл устраивать разборки, т.е. самому признаваться в нарушении закона, если тебя за это накажут, а изъятое всё равно не вернут. Изъятое считалось законной добычей оперов. Не пролезло, ну и ладно, хотя и обидно конечно.

Уничтожение захваченных трофеев при наличии в них нормального спиртного превращалось в весёлую пирушку в честь очередной победы над врагом. Тем более, что и закуска, как правило, была там же. А кому же не хочется лишний раз устроить себе праздник! Хоть на время вырваться из серых будней!? Бывали исключения из этого правила, когда приходилось разбивать бутылки с водкой. Классический пример такого вандализма приключился много лет назад с опером отделения (2.) Суетиным Лёней. (*Примечание2. Отделение – структурное подразделение в системе ГУЛИТУ, включающее в себя несколько ИТК*).

Получив информацию, что вольнонаемный житель посёлка закупил на деньги поселенцев ящик водки для них, Лёня, сам не дурак выпить, вечером занял позицию за складами базы ЧИС (3), мимо которых поселенцы никак не могли пройти. (*Примечание 3. ЧИС – часть интендантского снабжения*). Прокормив собственной кровью прожорливых местных комаров около двух часов, Лёня, наконец, дождался. Поселенец явно торопился, постоянно оглядывался. Рюкзак на его спине предательски позвякивал. Лёня выскочил из-за угла склада с победным криком: «Стоять, козёл!» Но тут, как назло, рядом остановился УАЗ – «козлик» начальника отделения, в котором кроме него сидели представители Управления и прокуратуры. И Цезарев, не упустив возможности воспользоваться случаем продемонстрировать как чётко и грамотно под его руководством работают оперативные службы. Пришлось Леониду, скрипя зубами, и обливаясь в душе слезами, колотить бутылки с водкой об рельсы УЖД. А начальники сидели в машине с распахнутыми дверцами, курили и посмеивались. Дождались, когда Лёня помахал пустым рюкзаком, и укатили в сопровождении Лёниных матюков. Ну, кто, после такой подлянки, будет любить своё начальство?!

«Неплохой агент получится», – размышлял Тарасов об источнике информации, – Всего один раз с ним побеседовал, когда подписывал заявление с просьбой предоставить право бес-

конвойного передвижения. Намекнул, что, мол, если будешь дружить с оперчастью, – про- будешь на бесконвойке до конца срока, а нет, – будешь работать опять под дулом автомата. Человек понял намёк буквально, и вот результат. И зашифроваться догадался, чтобы в даль- нейшем не вычислили. Надо будет взять с него подписку о негласном сотрудничестве и пере- дать на связь Кравцову – оперу, что в отделе отвечал за бесконвойников. Кстати, у него аген- туры меньше всех. Да в ту же ночную разгрузку никак не может внедрить своего человека. Тарасов уже предлагал ему, не можешь завербовать кого-нибудь из работающих пяти чело- век, – подготовь своего с корочками лебёдчика или направь на курсы готового агента. А найти причину, чтобы закрыть кого-то, чтобы место освободить, мы всегда сумеем.

Володю-тепловозника, о котором шла речь, Тарасов не знал, видимо пока не попадал в его поле зрения. Как тут не вспомнишь Серёгу Василькова. Тот знал всех жителей посёлка. С кем-то ещё в школе учился, с кем-то просто приходилось когда-то вместе выпивать. Тут Серёга был незаменим. Но, увы, сегодня от него толку не было. Можно было навести справки на УЖД, кто из машинистов или кондукторов сейчас в отпуске или на больничном. Но тут возможная утечка информации. То, что кем-то интересуется оперотдел, могло насторожить человека.

Оставалось продумать технический вопрос, – как забрать? Просто зайти и устроить обыск? Незаконно. Можно «получить по шапке» сверху. Да и доказать ещё нужно, что это не личное Володино имущество. И к тому же уничтожить изъятое в этом случае пришлось бы официально при понятых. Что было абсолютно неинтересно, – пропадает материальный сти- мул.

Можно устроить засаду и задержать бесконвойников сразу же, как только отойдут с гру- зом. Но так можно просидеть всю ночь, прокормить комаров впустую. Вдруг у них что-то не срастётся, и перенесут на следующую ночь? К тому же караулить их надо как минимум втроём, чтобы мысли о возможном сопротивлении подавить на корню численным перевесом. То есть почти весь оперсостав будет задействован ночью, а кто будет работать завтра днём? И, опять же, хорошо, если результат будет положительный. А если нет? Докажи потом начальству, что весь твой отдел действительно работал, а не бухал всю ночь.

Доложить начальству о полученной информации, чтобы получить «добро» на проведение операции?

Это Тарасов уже пробовал. Сначала из тебя выжмут до капли всю полученную информа- цию, вплоть до источника этой информации (заслуживает ли доверия?) А своих источников Тарасов старался не светить без крайней необходимости. Даже перед очень высоким началь- ством. Затем долго назидательным тоном будут давать тебе советы и рекомендации по прове- дению этой операции. Как будто ты не опер со стажем, а курсант на стажировке. При этом будут вспоминать якобы имевшее место случаи из их «боевой» практики.

Затем после твоего ухода начальство постарается любыми путями связаться с руковод- ством отделения и Управления. Чтобы толсто намекнуть, какую они лично разработали гран- диозную операцию, которой будут лично руководить, и принимать активное участие сегодня ночью. Причём всё это могут и по телефону, что прослушивают все кому не лень. Потом с чувством глубоко исполненного долга они уйдут спать. Утром в первую очередь потребуют отчитаться. Если результат положительный, то все трофеи должны быть доставлены в кабинет начальства и хорошо ещё, если опера успеют что-нибудь выкроить себе. Но не дай Бог, если результат нулевой. Получится, что из-за бестолковости тебя и твоих оперов, была провалена такая блестяще разработанная ими операция. Что ты всех подставил. Ты столько услышишь негативного о своих деловых и умственных способностях, что и сам начнёшь верить.

Нет. Об этом варианте не могло быть и речи.

Оставалось кого-то заслать под видом получателя. В этом случае, Володя будет уверен, что отдал всё по назначению. Разгрузка будет точно знать, что они не получали и считать,

что Володя их обманул, «кинул». Возникнет конфликт, взаимные упрёки, неприязнь, стороны поссорятся, канал нелегальной доставки перестанет существовать. Именно такой результат больше всего устраивал Тарасова. Но кого заслать?

Использовать агентов из числа бесконвойников нельзя. Володя может запомнить лицо и потом опознать человека, которому он отдал груз. За это могут просто убить. В лучшем случае придётся отправлять человека за пределы Управления, чтобы он добивал свой срок подальше. Хотя достать его могут и там. Подставить так доверившегося ему человека Тарасов тоже не мог.

Нарядить бесконвойником кого-нибудь из оперов? Наверняка этот Володя знает в лицо всех офицеров. Посёлок то маленький. Можно ещё, например, загримироваться, изменить голос. Тут везде есть свой риск, а его Тарасов старался исключить максимально.

С этими размышлениями Тарасов подошёл к жилой зоне. Ворота шлюза были распахнуты настежь, через них группами выходили осуждённые. Пройдя через двор и комнату обысков, зеки сосредотачивались в накопительном загоне. Напротив ворот с автоматами наперевес стояли солдаты конвоя. Возле бойцов возвышался замполит батальона майор Маркин, зорко следивший за действиями своих подчинённых.

Увидев Маркина, Тарасов сразу понял какое решение должно быть у задачи, что занимала его голову последние минуты.

– Лучшему человеку лучшего батальона, – поприветствовал его Тарасов, козырнув и протягивая руку.

– Какой там лучший батальон, – здороваясь, почти закричал Маркин (с «лучшим человеком» он, видимо, был согласен), – с этими раздолбями разве станешь лучшим батальоном? – ещё громче добавил он, махнув рукой в сторону солдат. «Раздолбаи» сделали вид, что их это не касается.

– Сергей Геннадьевич, дело есть на миллион, – потянул его в сторону от посторонних ушей Тарасов. – У тебя есть надёжный боец, который может держать язык за зубами? Желательно из тех, что стоят на вышках, чтобы в посёлке его в лицо не знали.

Маркин слегка задумался.

– Вообще-то есть, я тебе зачем?

– Одолжи мне его на час-полтора сегодня вечером, надо одну комбинацию проверить.

– Знаю я ваши комбинации. Подставите парня, а если он пострадает, что я потом его матери скажу? Короче, рассказывай всё.

– Нарядим его бесконвойником. Заберёт грёв в посёлке с одной хаты. Мы будем страховать, буквально в пяти метрах от него. Если что, – вмешаемся. Риска никакого, а с меня причитается.

– Ладно. Под твою ответственность. Во сколько?

– В 22—00 в кабинете оперчасти.

– Договорились.

Через распахнутые ворота шлюза под двухэтажным деревянным штабом выходила уже третья последняя партия осуждённых.

Тарасов направился в жилую зону навстречу движению. Вообще то это было нарушением установленного порядка. Сначала нужно было сдать пропуск и пройти через соседнюю дверь на КПП. Но сегодня начальником караула жилой зоны бал прапорщик Махортов, который находился в шлюзе и контролировал выход зеков из жилой зоны. А с ним у Тарасова были давние дружеские отношения.

– Привет, Толик, бросишь пропуск в ячейку? – сказал ему Тарасов, здороваясь. Тот кивнул и сунул пропуск в карман.

Слева от входа возвышалась двухэтажное здание дежурной комнаты, прозванная в народе «каланчёр», второй этаж которой, застеклённый с трёх сторон, по периметру имел выступаю-

щие мостики с перилами. На этом мостике как истинный капитан корабля возвышался начальник колонии подполковник Осинин. Вместе с ним сверху вниз за разводом наблюдал ДПНК (4) майор Безденежных. (*Примечание 4. ДПНК – дежурный помощник начальника колонии*). Его штатный помощник и зять лейтенант Воронин, уже, видимо, успел получить втык за опоздание. Сейчас он немного сбоку вызывал в микрофон бригады по номерам.

Справа от шлюза на плацу чуть сбоку от выходящих осуждённых стояла группа офицеров колонии, присутствовавших на разводе. Именно присутствовавших, по-другому, по мнению Тарасова, назвать это бессмысленное стояние было нельзя. Позёвывая от скуки, люди переговаривались друг с другом, лениво делясь последними новостями, – у кого поросёнок приболел, кто и как сходил на охоту, кто и что вычитал в газете и т. п. Иногда некоторые из них, взглянув вверх – видит ли начальник – громко делали замечание проходившему мимо зеку за расстёгнутую пуговицу или ещё что-нибудь подобное. Надо же создать видимость работы.

Крайним ближе всех к шлюзу стоял зам. по БОР (5) майор Лемке, -непосредственный начальник Тарасова. (*Примечание 5. Заместитель начальника колонии по безопасности и оперативной работе*). Заметив выходящего из шлюза начальника оперотдела, Лемке скривился, вытянул вперёд левую руку, медленно согнул её в локте, демонстративно глядя на часы, затем на Тарасова, затем на стоящеговерху Осинина – видит ли тот, до какой степени обнаглел злостный нарушитель дисциплины Тарасов?

Начальник жест видел, но никак не среагировал.

– Здравия желаю, Владимир Михайлович! – Отдал Лемке честь Тарасов, подходя, всем своим видом излучая любезность и вежливость.

– Ты где был, Тарасов? Почему не на разводе?

– Работал, – честно ответил Серёга.

– Где работал? Я тут уже целый час стою, а тебя что-то в упор не видел.

– Целый час стоишь? – Переспросил Тарасов, рассеянно глядя на выходящих осуждённых.

– Да!

– Хоррроший из тебя х... получится, Михалыч, – похвалил его Тарасов, слегка наклонившись к уху начальника. Сказал вроде бы негромко, только для него. Но дружный хохот проходившей сзади Лемке бригады осуждённых и оживление среди офицеров свидетельствовало, что шутка была услышана и оценена по достоинству.

– Ну, ты!.. – взвился Лемке, но врождённая интуиция вовремя подсказала ему, что выразив своё возмущение, он только усилит эффект от шутки и породит злорадные обсуждения.

– Ну, ты, – повторил он, – подловил меня, молодец!

Но Тарасов его уже не слышал. Его внимательный взгляд, только со стороны казался рассеянным. Он внимательно отслеживал выходящих осуждённых бригады №28. Вот один из них, услышав свою фамилию, сказал, как и все «пошёл», слегка махнув при этом правой рукой. Жест вполне безобидный, так делают многие, но предназначался он только для Тарасова. Агент «Антонов» маячил о том, что сегодня на лесобирже в тайнике будет оставлено сообщение. Скользя равнодушным взглядом по толпе представителей администрации, он на долю секунды встретился глазами с Тарасовым, который слегка дрогнувшими ресницами дал понять, что сигнал принят.

Пока Тарасов обходил всю группу офицеров, здороваясь с каждым за руку, развод закончился.

Последним уже ноющую от рукопожатий руку сдавил старший опер Роман Борткевич.

– Ну, ты и врезал ему, смотри, походу к Осине жаловаться побежал.

Тарасов оглянулся: Лемке прыжками поднимался по лестнице к Осинину.

– Ни чё, переживёт. Рома, у тебя на вечер есть какие то планы?

– На биржу надо будет сбегать. Мой «Петров» маякнул (6), сообщение оставит. (*Примечание 6. «Маякнул» – подал условный сигнал*).

– Чувствуется моя школа, – довольным тоном протянул Тарасов. – У меня то же самое. Пойдём вместе, только сразу после съёма. К десяти надо будет вернуться в кабинет. Иди сейчас за зону, подойду, расскажу. Вовка! – крикнул он наверх Воронину, который только что объявил в микрофон, что развод окончен, – вызови каптёра в дежурку.

– Внимание! Каптёр, осуждённый Михеев, прибыть в дежурную комнату! – рявкнул в микрофон Воронин и для надёжности повторил ещё раз. Осинин удивлённо посмотрел сверху вниз на Тарасова и сопровождаемый Лемке начал спускаться по лестнице.

– Чего на развод опаздываешь? – спросил он, протягивая руку и здороваясь.

– Осуществлял внеплановую встречу с агентом по его просьбе, – чётко и громко отпартовал Тарасов, зная, что кроме Борткевича и Лемке их никто не слышит. В отличие от Лемке, который до назначения на должность заместителя по БОР оперативной работы никогда не касался и о работе с агентурой имел очень поверхностные знания, подполковник Осинин начинал карьеру рядовым опером. Он был уверен, что Тарасов найдёт несколько уважительных причин опоздания на развод. И все они обязательно подтвердились бы, вздумай их кто-то проверить. Поэтому спросил для проформы, под влиянием Лемке.

– Тише ты, – оглянувшись вокруг Осинин, – чё орёшь? И что? Ценная информация?

– Так точно! В настоящий момент информация в стадии проверки и уточнения. Надеюсь завтра доложить о конкретных результатах по ней. И ещё, Георгич, – уже более спокойным тоном добавил Тарасов, – сразу после съёма мы с Борткевичем пойдём на биржу, сообщения забрать, наколки кое-какие проверить, прошмонать, – информации накопилось. Ты не против?

– Как хочешь. А в зоне кто будет?

– Кравцов, Махневич. Да и зам. по БОР тоже, наверное, здесь будет, – кивнул на Лемке Тарасов.

Лицо у того сразу вытянулось.

– Без тебя решу, где мне быть, – важно возразил Лемке и добавил, – да, Георгич?

– Ладно, работайте, – благодушно махнул рукой Осинин и направился к своему кабинету.

Следом засеменил Лемке.

Им навстречу из-за угла здания штаба вылетел запыхавшийся каптёр – осуждённый Михеев.

– Здравсьте, гражданин начальник, вы вызывали? – затормозил он возле Осинина.

– Тарасов вызывал, – буркнул на ходу Осинин. Каптёр Михеев, также как и комендант жилой зоны, и застоловой, – были людьми Осинина. Об этом знали все и тем более Тарасов. Решать какие-то личные вопросы с ними через голову начальника ИТК, было как-то не принято. Поэтому Осинин слегка удивился, когда Тарасов, не объяснив ничего ему, хотя был рядом, вызвал каптёра. Но, понимая, что Михеев ему обязательно всё доложит, и, зная, что Тарасов это тоже понимает, успокоился, значит, причина понятная и уважительная.

– Михеев, – взяв подбежавшего каптёра за плечо и уводя его в сторону от дежурки, Тарасов доверительно понизил голос. – Ты можешь держать язык за зубами?

– Конечно, гражданин майор, – насторожился тот.

– Мне срочно нужен комплект одежды бесконвойника: куртка, брюки и пидорку (7) на голову. (*Примечание 7. «Пидорка» – жаргонное название головного убора осуждённого*). Размер мой. Сделаешь? Завтра верну.

– Можете не возвращать... Я – мухой. Сейчас принесу, – обрадовался каптёр, что может угодить Тарасову.

– Подожди. Пришей бирку с фамилией, скажем... Пономарёв, 13 отряд.

– Так в зоне 12 отрядов.

– Вот именно поэтому. И смотри, чтобы ни одна живая душа... ну, кроме хозяина (8), конечно, – заметив смятение каптёра, разрешил Тарасов. (*Примечание 8. «Хозяин» – жаргонная кличка начальника колонии. Во всех местах лишения свободы*). Ещё бы, не доложить начальнику колонии Михеев не мог, но и подставить не менее опасного Тарасова было страшновато. Кто знает, какие между начальниками отношения?..

– Заверни во что-нибудь и передашь через дежурного. Я буду в кабинете за зоной.

Легко взбежав по деревянным ступеням на второй этаж штаба, Тарасов рывком распахнул обитую железом крайнюю дверь с надписью « оперчасть».

За ней был небольшой тамбур и вторая дверь, открывавшаяся внутрь кабинета. Закрывая левой рукой за собой первую дверь, и правой одновременно открывая вторую, Тарасов увидел развалившегося на его рабочем месте начальника отряда майора Волкова, который, закинув ногу на ногу, курил сигарету под висевшим на стене плакатом « Здесь курят только козлы!» На плакате зоновский художник изобразил козла с бородой, рогами и сигаретой в зубах. На один рог у козла была одета кокетливая кепка с козырьком. Здороваясь с Волковым, Тарасов демонстративно покосился на плакат. Проследив за его взглядом, Волков вспомнил про плакат и вскочил со стула.

– Да ну вас на хрен, с вашими козлячьими картинками, – в сердцах бросил он, направляясь к выходу под дружный смех оперов, – постоянно про них забываю. А пепельница у вас для кого?

– Для козлов! – хором ответили некурящие Серёга с Ромкой.

– Зачем ты им курить здесь разрешаешь? – проворчал Тарасов, распахивая форточку, – вонища, как в уборной!

– Да я как-то без внимания, отвлёкся, он закурил, тут и ты зашёл. А что ты задумал после десяти вечера?

Тарасов вкратце изложил полученную информацию и задуманную оперативную комбинацию с переодеванием солдата.

От предстоящей перспективы Борткевич развеселился:

– Знаю я этого Володю. Лично не общался, но слышан. Кличка – Крот, по фамилии – Кротов. А знаешь, из-за чего он на больничном? Из-за кота!

– С котом подрался?

– Типа того!

И довольный, что владеет информацией, которая до Тарасова ещё не дошла, Роман рассказал про Крота и кота.

Про кота и Крота

Володя Кротов бывший поселенец по характеру мужик спокойный, сдержанный. В Росинке живёт года полтора, работает машинистом УЖД, пьёт умеренно, холост. Браконьерничает потихоньку, как и большинство местных жителей. Завёл себе двух здоровенных кобелей непонятной породы и кота. Кот приبلудился откуда-то сам. Крупный, рыжий с наглой мордой. Володя звал его Жулик, и тот свою кличку оправдывал. Всячески демонстрируя свою любовь и преданность хозяину, Жулик при каждом удобном случае тырил у него всё, что можно было съесть, стоило только Володе на секунду ослабить бдительность. А если по привычке поужинав со стаканом водки, усталый Володя, не убрав со стола, засыпал мёртвым сном, то со стола всё подчищал Жулик, не брезгуя ничем, кроме водки. И куда в него только всё влезало?

Мало того, приобретённый хозяином где-то с рук старенький холодильник, котяра приспособился открывать мощными лапами, периодически делая в нём ревизию. Причём обратно закрыть дверцу ума у кота не хватало. Несколько раз, вернувшись домой после ночной смены, Крот обнаруживал распахнутый пустой холодильник, работающий на пределе возможностей с лужей воды возле него и обожравшегося кота. Тот валялся на кровати, на спине с широко раскинутыми в стороны лапами. Отлупив хорошенько орущего кота, вышвырнув его на улицу, голодный и злой Володя отправлялся в магазин за продуктами. Однако уже за ужином, когда Володя проспался и отдохнул, пропустил пару рюмок, он добрал и швырял на пол коту шкурки от сала или обглоданные кости из супа.

Любимым развлечением у Жулика было издевательство над собаками. Точно определив точку, куда собакам позволяли дотянуться их цепи, кот с независимым видом усаживался в полуметре от этого места и начинал прихорашиваться. Кобели зверели от такого нахальства, заходились бешеным лаем, готовы были разорвать рыжего нахала на мелкие клочки. Тем более, что тот абсолютно их игнорировал, всем своим видом показывая, что ему глубоко плевать на оскаленные пасти и пену на клыках.

Из чувства собачьей солидарности к лаю присоединялись соседские кобели и суки. А так как собаки жили практически в каждом дворе, шум поднимался невообразимый. Если Крот в это время отсыпался после ночной смены, его реакция всегда была одинаковой. Высунув из двери кудлатую голову и точно определив источник поднявшегося гвалта, Володя босиком подкрадывался к возмутителю спокойствия и точным футбольным ударом отправлял Жулика под ноги псам. Но каждый раз, вывернувшись на лету, кот успевал царапнуть ближайшую собачью морду, и, мелькнув рыжей молнией, через секунду оказывался на крыше сарая. Злобно сверкнув глазами на вероломного хозяина, Жулик не спеша, отправлялся по своим кошачьим делам.

А тут как-то через знакомых поселенцев Кроту подогнали с Пельма – колонии сельхозназначения литровую банку сметаны, которую Володя обожал с детства. Володя расположился за столом и смаковал любимое лакомство. Кот внимательно наблюдал за этим процессом с кровати. Сметану он тоже уважал.

Когда Крот притёр третью часть банки, он подобрел и, зачерпнув столовой ложкой из банки, шлёпнул сметану на газету в углу, где был кошачий стол. Пока он возвращался к столу, кот уже уничтожил угощение и, облизываясь, не мигая, смотрел на банку на столе. Володя показал коту кукиш, закрыл банку крышкой и подошёл к холодильнику. Но, вовремя вспомнив о кошачьих способностях, он вернулся к столу и, встав на цыпочки, поставил банку на самый верхний ярус полочки для книг, что висела на стене. Показав коту язык, Крот отправился в туалет «почитать газету».

Когда он вернулся и открыл дверь, кот прошмыгнул у него между ног на улицу. Войдя, Володя остолбенел. Осколки разбитой банки валялись на столе, полу и на кровати. Полка

висела боком на одном гвозде. Всё, что до этого находилось на ней: книги, стопка каких-то документов, ваза, – было разбросано по комнате. Сметаны же нигде видно не было, за исключением мелких брызг на стене. « Успел вылизать, вражина», – понял Крот.

Эта банка со сметаной стала последней каплей, переполнившей Володино терпение. Смахнув с покрывала стёкла и другой мусор, Крот упал на кровать и стал изобретать способ казни для рыжего негодяя. Застрелить, утопить и даже повесить было бы слишком банально и недостойно для Володиной мести. И тут он вспомнил об отношениях кота с собаками. То, что псы с удовольствием порвали бы на клочки рыжего провокатора, Володя не сомневался. Так же как и в том, что во дворе кот обязательно вывернется. В этом Крот убеждался неоднократно. А что если кота бросить собакам в таком месте, где не было бы сараев и деревьев, куда бы он мог запрыгнуть? Ведь по прямой собаки легко догонят самого быстрого кота. Такой широкой и ровной площадкой в Росинке был стадион, расположенный в центре посёлка. Можно устроить расправу на стадионе. Но там обязательно найдутся свидетели, которые, если и не порвут на клочки самого Крота, то могут помочь устроить его на несколько лет «к хозяину» за жестокое обращение с животными. Такая перспектива Володю как-то не устраивала.

Ещё одним ровным местом было огромное поле аэропорта. Расположенное на отшибе от посёлка, окружённое со всех сторон лесом, это место практически гарантировало отсутствие свидетелей. Редкие грибники или ягодуны, спешащие по краю поля к любимым местам в лесу, были не в счёт.

Когда Крот определился с местом казни и назначил её на утро, то решил с вечера собак не кормить, чтобы злее были.

Утром, когда кот, настороженно косясь на хозяина, прошмыгнул в дом, Володя ему ничего не сказал, наоборот, чтобы ослабить бдительность, кинул ему на пол кусок сала, которым завтракал. Жулик расслабился, решил, что его простили и начал тереться боком о ногу хозяина. Крот ловким движением схватил его за шиворот и сунул в сумку, с которой обычно ходил на работу. Закинув на плечо сумку с возмущённо мяукающим котом, Володя подошёл к собакам, помахал перед голодными собачьими мордами куском колбасы, завернул её в газету и сунул в карман ветровки. Затем отцепил собак и распахнул калитку.

Аэропорт посёлка Росинка располагался в километре от основной части посёлка и в полукилометре от жилой зоны ИТК—14. Красивым словом «аэропорт» называлась деревянная изба с печным отоплением, разделённая на две половины. Левая половина была залом ожидания для пассажиров, а правая являлась служебным помещением. Из правой половины в левую, через окошко с надписью «касса» продавались билеты. Избушка находилась на единственной в окрестностях Росинки плоской возвышенности, как бы специально созданной природой для этих целей. По склону этой возвышенности от избушки вниз к рельсам УЖД спускалась деревянная лестница с перилами.

Прибыв к подножию лестницы, карательная экспедиция в составе Крота и двух кобелей повернула налево и двинулась по дороге проложенной параллельно крутому склону аэропортовской возвышенности.

Пройдя по дороге с полкилометра, Володя поднялся по склону и, продравшись сквозь густой кустарник, вышел на ровное поле. Избушка аэропорта отсюда казалась совсем игрушечной, и опознать немногих пассажиров на таком расстоянии было просто невозможно. Так же как и оттуда узнать Крота и тем более понять, что он делает.

Отойдя от кустов метров сто, Володя огляделся и решил, что достаточно. Крот вытащил из кармана колбасу и свистнул собак, которые бестолково носились по полю. Те мгновенно среагировали и понеслись к хозяину. Володя быстро спрятал колбасу обратно в карман и выхватил из сумки кота. Подняв его за шиворот над головой, Крот пафосно объявил коту:

– Всё, Жулик, смерть твоя пришла! Молись, гад! – С этими словами торжествующий Володя швырнул кота под ноги псам.

Те по инерции пронесли мимо кота и на полном ходу стали разворачиваться к рыжему провокатору, которого ненавидели всей своей собачьей душой. Жулик за доли секунды на лету успел оценить ситуацию и понял, что поблизости нет абсолютно никакой возвышенности, где он мог бы укрыться от неминуемой гибели. Кроме собак над полем возвышался только его хозяин. Крот со счастливой улыбкой на лице ожидал кровавой развязки. Поэтому кот не побежал по полю от собак, как рассчитывал Володя. Как только его лапы коснулись земли, на максимально возможной скорости он рванул к хозяину навстречу собакам. Те, развернувшись, начали было набирать скорость, но от неожиданного манёвра кота слегка опешили и только клацнули зубами мощных челюстей, когда он пронёсся между ними. В два прыжка кот взлетел на человека, и вцепился в его лохматую голову всеми четырьмя лапами.

Крот взвыл от боли, схватился руками за кота и присел от неожиданности. Но тут же, взглянув на псов, – те опять начали разворачиваться к нему – понял, что они с разгону оторвут вместе с котом полголовы хозяина. Поэтому он снова вскочил и попытался оторвать кота от головы.

От этого движения задние лапы Жулика переместились на Володино лицо, и он, цепляясь когтями, устремился к спасительной вершине. При этом когти его мощных задних лап разорвали хозяину губы, нос, брови, за секунду превратив его лицо в кровавую маску.

Страшно матерясь, Крот поочерёдно отрывал от своей кожи по одной лапе, но Жулик мёртвой хваткой держался оставшимися. При этом он вывернулся и, как утопающий за соломинку, ухитрился зубами вцепиться в Володино ухо.

Собаки, захлёбываясь лаем, прыгали вокруг хозяина, пытаясь достать кота. Володя уже ничего не видел. Кровь заливала глаза, все мысли заглушала дикая боль.

Спасение пришло неожиданно. Спасителем оказался заяц, что мелькнул на опушке леса. Быстрыми прыжками он пронёсся по краю поляны. Зоркие собачьи глаза мгновенно засекли настоящую добычу, и псы дружно рванули к лесу. Через пару секунд, оставив истерзанного хозяина, кот устремился в противоположную сторону.

Володя осторожно потрогал пальцами лицо и голову и понял, что нуждается в срочной медицинской помощи. Кровь заливала всё лицо, стекала за воротник рубашки, капала на траву. Вспомнив про народную дезинфекцию, Крот помочился на руки, затем руками протёр лицо и обильно полными пригоршнями смочил мочой голову.

Когда Крот вошёл в амбулаторию, бабушки, что занимали очередь с утра, в ужасе расступились. Главный росинский врач Мирза Агаширинович, взглянув на лицо пациента, спросил:

– С котом подрался?

– Ну, да... так получилось...

– Кто победил, я спрашивать не буду. И так понятно. – Мирза принохался и добавил, еле сдерживая смех, – А он что тебя ещё и обоссал?

– Не. Это я сам. Для дезинфекции.

– А... ну это правильно. Молодец, догадался.

Мирза достал из сейфа бутылку со спиртом, налил полстакана, затем долил до края воды из графина и разлил получившуюся смесь в два стакана поровну. Один из них протянул Кроту.

– Пей. Это для наркоза. Сейчас будем скобки накладывать. – Чокнувшись с Володей, Мирза выпил содержимое второго стакана и закусил таблеткой глюкозы. Крот замялся:

– Мне вечером на работу...

– О работе, дорогой, забудь недельки на три как минимум, больничный я выпишу.

Владимир глубоко вздохнул, махнул рукой и выпил.

Две телеграммы.

Роман был очень талантливым рассказчиком. Рассказывая про кота и Крота, он сумел в лицах передать не только Володины страдания, но даже возмущение кота и характерный кавказский акцент главврача.

Серёга держался за живот и задыхался от смеха. В конце рассказа одновременно со стуком дверь распахнулась, и в кабинет впорхнула цензор – тётя Фая. Быстро окинув любопытным взглядом комнату, она немного растерянно произнесла:

– Мне показалось, что у вас тут Мирза Агаширинович разговаривает, – чем вызвала очередной приступ смеха у парней.

– Сергей Андреевич, тут вам начальник колонии отписал телеграммы. – Она положила на стол два листка и, скользнув внимательным взглядом по всем углам кабинета, вышла за дверь.

Обе телеграммы были с оплаченным ответом. С таким явлением Тарасов сталкивался впервые, точнее он даже и не знал, что так можно общаться. Обе были отправлены из небольшого городка Зея Амурской области и практически дублировали друг друга. Смысл телеграмм заключался в том, что около месяца назад на свидание к осуждённому Олегу Баранникову, содержащемуся в ИТК- 14 выехала гражданка Арсентьева Ирина и пропала. Просили выяснить, где она, что случилось и срочно сообщить. Одна телеграмма была от матери Ирины, другая от органов МВД города Зея.

– Баранников Олег, ... почему не знаю? – рассеянно глядя на Борткевича, размышлял вслух Тарасов.

– Значит не блатной и не голодный, – машинально продолжил его мысль Роман, – помоему, на строгом режиме слышал такую фамилию, Кравцов должен знать.

– А где он кстати? Здесь? – Тарасов махнул рукой в сторону стены, за которой находился второй кабинет оперчасти. Там базировались оперуполномоченные Кравцов и Махневич.

– Должен быть здесь, если в зоне не застрял, – пожал плечами Роман.

Опера что-то сосредоточенно писали. Когда открылась дверь, они среагировали одинаково. Сначала мгновенно накрыли писанину другим листом и только потом посмотрели на дверь. Увидев входящего Тарасова, Кравцов засмеялся:

– Вот, Андреич, как рефлекс срабатывает. Документ несекретный рожаю, а по привычке закрываюсь...

– И что за документ?

– Ты же сам вчера сказал написать фабулу постановления о возбуждении уголовного дела по побегу Захарова, между словами «Установил» и «Постановил».

– Ну да, что б потренировался, тебе полезно для практики. Дайка оценку твоё творчество.

На протянутом Кравцовым листке было написано неровным почерком: «Установил в начале лета на рабочий объект ёлмас была выведена бригада расконвоированных осуждённых №33 в количестве 22 человека для заготовки леса в составе этой бригады был выведен осуждённый захаров который работал в ней сучкорубом во время очередной проверки 14 августа было обнаружено отсутствие захарова принятыми мерами розыска разыскать розыскиваемого не представилось возможным на основании вышеизложенного руководствуясь ст. ст. УК РСФСР постановил

– Серёга! Это же серьёзный документ – постановление о возбуждении уголовного дела! А у тебя тут ни точек, ни запятых. Его же прокурор читать будет!

– Ни чё, разберётся! Смысл же понятен. Я же не сочинение пишу на вступительных экзаменах!

– А фамилия осуждённого, почему с маленькой буквы?

– Потому что он козёл! Нас из-за его побега будут наказывать, а мы должны его козлячью фамилию с большой буквы писать?!

– Какая разница, козёл он или нет? Существуют правила орфографии в русском языке. Все фамилии пишутся с большой буквы независимо от того, кому они принадлежат. Так же как и имена собственные, – название вахтового участка Ёлмас. А это что за выражение: «принятыми мерами розыска разыскать разыскиваемого? Ты одно слово три раза подряд поставил в предложении.

Кравцов на секунду задумался:

– Так тут по-другому и не напишешь, а смысл и так понятен.

– Почему не напишешь? Например: «принятыми мерами разыскать Захарова не удалось» или «в результате принятых мер розыска обнаружить Захарова не представилось возможным». Короче, – переписывай!

– Не буду, там всё понятно. Ага, сейчас, буду весь день одну бумажку писать!?

«Господи! – подумал про себя Тарасов, – с какими людьми приходится работать! Мало того, что неграмотный, но ещё и упрямый, как осёл! И что удивительно, – именно у таких сотрудников больше шансов стать большими начальниками. Интересно, это только в МВД или везде так?» Но вслух сказал:

– Хорошо. Я сам исправлю ошибки красной пастой, как это в школе учителя делают, и отдам тебе переписать. Тренируйся, что-нибудь да запомнится. Собственно, у меня к тебе другой вопрос. На строгом режиме есть осуждённый Баранников Олег. Что ты о нём знаешь?

– Есть такой. У них там своя компашка. Держатся втроём: Баранников Катранов, Смазнов, Все на равных, главного нет. В конце секции занимают угол.

– Блатные что ли?

– Нет. В блатные не лезут. Все работают на Новой бирже простыми работягами. Причём, на самом деле работают, а не числятся. Но довольно авторитетные, серьёзные парни. С ними считаются.

– Бараников был на свидании недавно? Приезжал к нему кто-нибудь? Не знаешь?

– Не слышал. Можно в спецчасти узнать.

– Ладно. Как раз туда и иду.

Начальник спецчасти майор Фомин на вопрос о возможном свидании Бараникова ответил сразу, не задумываясь:

– Так у нас за последний месяц только к Воейкову приезжали на свидание. Жена – трое суток на длительном были. А больше ни к кому, даже краткосрочных не было.

– От Бараникова было заявление с просьбой вписать в личное дело невесту – заочницу, – добавила инспектор спецчасти худенькая блондинка Валя, – я не помню, подшила его в дело или ещё нет, сейчас посмотрю.

Она порылась в куче личных дел на соседнем столе и выдернула одно из них:

– Вот... так... не подшито ещё, начальник разрешил, вот его виза.

– Дай-ка, я его дело к себе возьму, – и пока Валя записывала в журнал учёта на вынос, Тарасов начал листать личное дело осуждённого Бараникова. Потом расписался в журнале, вернулся в свой кабинет и углубился в чтение.

Большую часть своей работы в органах МВД Тарасову приходилось общаться с особо опасными рецидивистами, для которых пятая – седьмая судимость были нормальным явлением. Держать в руках дело осуждённого отбывающего «всего» третий срок было редкостью.

Первую судимость Бараников получил в несовершеннолетнем возрасте за хулиганство, – два года воспитательно-трудовой колонии. Потом раскрутка в зоне по сто восьмой УК – тяжкие телесные повреждения. Тарасов быстро прикинул возраст и время второй судимости. Получалось, где-то сразу после перевода с «малолетки» во «взрослую» колонию. Видимо, пришлось самоутвердиться, доказывать всем, что роль пидора не для него. И через полгода после освобождения снова осуждение по ст. 108 УК РСФСР, опять тяжкие телесные. В коротком приговоре более-менее детально была описана обычная пьянка группы молодых полужнакомых

парней. Кто-то кого-то оскорбил. Возникла драка, в ходе которой Баранников ножом, взятым со стола с закуской, пропорол живот оппоненту. В результате – четыре года строгого режима, три из которых уже отбыто.

Обычная биография начинающего рецидивиста. Все три годовые характеристики, написанные как под копирку, стандартными фразами характеризовали осуждённого с положительной стороны. Постановление о предоставлении права передвижения без конвоя, – тоже с положительной характеристикой. Одно единственное взыскание – выговор за попытку нелегального отправления письма. А вот и само письмо. Конверт без обратного адреса, – явно шло мимо цензуры. Адресовано Арсентьевой Ирине, город Зея Амурской области.

Читая письмо Олега Баранникова, Тарасов как-то сразу засомневался, что зек, который отбывает уже третий срок, сможет так грамотно и детально описывать свои любовные чувства. Наверняка письмо сочинял какой-нибудь профессиональный «писатель», что подрабатывает за пачку сигарет всем желающим. Вспомнился Яшка Артиллерист: «Да я всей батарее писал любовные письма... Ваши трёхдюймовые глазки путём прямого попадания в моё сердце...» и т. д. Хотя, всё может быть. А вдруг у Олега у самого талант такого писателя?

– Схожу я, пожалуй, на строгий режим прогуляюсь. Рома, если кто спросит, – я в зоне, – Роман кивнул, не отрываясь от бумаг.

Дневальный в секции, где проживают бесконвойники с «новой биржи» на вопрос, где койка Баранникова, уверенно показал в дальний от входа угол:

– Там они, гражданин начальник, втроём живут. А Баранников вот тут на верхнем ярусе, под ним Смазнов, а рядом – Катранов.

Рядом с крайней двухярусной стояла кровать в один ярус. Тарасов оглянулся, все остальные кровати в секции были двухярусные. Видимо, специально убрали «второй этаж», чтобы никого постороннего не подселили. Между кроватями стояла широкая нестандартная тумбочка, явно изготовленная по спецзаказу.

Тарасов присел на кровать и заглянул в тумбочку. В правом углу на верхней полке лежала стопка писем на имя Олега Баранникова с одним и тем же обратным адресом: город Зея Арсентьевой Ирине. Просмотрев почтовые штампы на конвертах, Сергей понял, что они лежат по порядку и верхнее письмо – последнее.

Развернув письмо, под зорким взглядом дневального, Тарасов внимательно вчитывался в аккуратный женский почерк. Если отбросить эмоции, смысл письма сводился к одной фразе: «С нетерпением считаю дни до нашей встречи!»

Положив письма на место, Тарасов машинально перебрал вещи в тумбочке, осмотрел саму тумбочку на возможное наличие тайников, двойных стен и т. п. Ничего подозрительного не заметил.

– Они что тут, самые крутые в секции? – Спросил он у дневального, поднимаясь.

– Так оно, начальник, – дневальный оглянулся – в секции кроме них никого не было, – хотя они блатных из себя не строят.

– А кто из троих самый главный?

Дневальный задумался:

– Да никто не выделяется. Все на равных. Они по свободе друг друга знают. Общаются только между собой. С остальными только по необходимости. Ни с кем не задираются. Но их уважают и даже побаиваются – парни то все крепкие.

Тарасов задумался. В его личном оперативном обслуживании были осуждённые, работающие в десяти разделочных бригадах на «старой» лесобирже. Этот участок работы был самым ответственным, так как бригады делали главный показатель в производственной жизни колонии. Комплектовались они из особо-опасных рецидивистов. Здесь был самый высокий уровень зарплаты. Здесь же по традиции концентрировалась большая часть криминальных авторитетов, отбывающих срок в колонии.

Тарасов занимался осуждёнными разделки ещё с лейтенантских времён. Все бригады были у него плотно перекрыты агентурой, и всё, что там творилось нехорошего, он знал. Или почти всё. Так же знал в лицо всех авторитетов, картёжников, разрабатываемых, – в общем, всех, кто выделялся из общей массы.

После объединения двух колоний, добавилось ещё несколько рабочих объектов, в том числе ещё одна лесобиржа – «новая». Рабочие бригады на ней комплектовались из бесконвойников.

Тарасов физически был не в состоянии лично обеспечивать агентурное прикрытие всех рабочих объектов разросшейся колонии, где трудилось в общей сложности около тысячи человек. Объекты были распределены между сотрудниками оперотдела. На Тарасове оставалось общее руководство как начальника отдела. За бесконвойников отвечал Кравцов. Поэтому о жизни осуждённых из бригад с «новой» лесобиржи у Тарасова были очень поверхностные знания.

– А где живёт сторож аэропорта Куницкий? – спросил он у дневального, решив, что не мешало бы опросить и его по поводу пропавшей девушки.

– В нашей секции такого нет, по моему, в соседней.

Распахнув дверь в соседнюю секцию, Тарасов отметил, как резко дёрнулись двое осуждённых. Они сидели на койке в середине секции. Больше в помещении никого не было. Быстро подойдя к ним, Тарасов отметил рассыпанные по койке спички. Обычно спичками отмечали счёт при игре в карты.

– Карты сюда, быстро! – Он требовательно протянул руку к растерявшимся осуждённым.

– Какие карты, начальник... – начал было один, но второй, вздохнув, потянулся и вытащил из-под подушки колоду самодельных карт и протянул Тарасову:

– Виноваты, гражданин майор, больше не будем.

– Фамилии, какая бригада, почему не на работе? – Задавая стандартные вопросы, Тарасов машинально перетасовывал в руках колоду карт, приглядываясь к нарушителям режима. Лица незнакомые, с виду – работяги.

– На выходном сегодня, бригада двадцать пять, «новая» лесобиржа.

Записав фамилии, буркнув «вас вызовут», Тарасов направился к выходу. Потом, вспомнив, обернулся:

– Куницкий здесь живёт?

– Числится здесь. Но практически всё время на выходе, только пожрать приходит в столовую, да отметить, – с готовностью пояснили игроки.

«Этих деятелей отдам на усмотрение Кравцову. Можно убрать с бесконвойки за нарушение, можно наказать, можно вербануть, – пусть Серёга решает», – думал Тарасов, направляясь к выходу из жилой зоны, машинально тасуя колоду конфискованных карт.

– Гражданин начальник! – окликнул его пожилой осуждённый, что подметал территорию метлой, – хотите фокус покажу? – он смотрел на мелькавшие в руках майора карты.

– Ну, покажи, – Тарасов оглянулся по сторонам и протянул ему колоду. Взгляд скользнул по бирке на груди старичка. «Воробьёв», – машинально прочитал он, – «почему не знаю?»

Ловко перетасовав колоду, зек положил её себе на левую ладонь «рубашками» кверху.

– Какую карту достать? – Он, улыбаясь, смотрел на Тарасова.

– Семёрку... бубей.

– Пожалуйста! – Правой рукой Воробьёв извлёк из колоды карту и, не глядя, показал её Тарасову. Это была бубновая семёрка.

– Ещё?

– Туз крестовый, – Тарасову стало интересно.

– Пожалуйста! – опять быстрое движение пальцами, и перед глазами майора появился крестовый туз.

Назвав ещё три карты с тем же результатом, Тарасов отобрал колоду.

– И как с тобой можно играть, если ты любую карту сдашь и мне и себе?

– Так со мной никто и не играет!

– Научишь фокусу?

– Научить то можно. Без проблем. Только тут ещё нужно пальцы разрабатывать...

– Ни чё, нам с тобой ещё долго вместе сидеть.

Тарасов поднялся в дежурную комнату и поинтересовался у Воронина, когда отмечается сторож аэропорта Куницкий.

– Обычно утром после развода и вечером после съёма. Он там, в аэропорту, круглосуточно. Раз в три-четыре дня продукты получает в столовой. Кстати, он в зоне сейчас, за продуктами пошёл, пока не выходил.

– Будешь выпускать, скажи ему, чтобы ко мне в кабинет зашёл за зоной.

– Да, Андреич, чуть не забыл, тут тебе каптёр свёрток какой-то просил предать. – Воронин достал из стола газетный свёрток, перетянутый верёвками.

– Ага! Молодец Михеев, быстро обернулся, – Тарасов прихватил свёрток и пошёл на КПП.

Оперативные будни.

Рабочий день у большинства сотрудников колонии, носивших погоны, состоял из двух частей. Утром, с развода, то есть с семи – восьми часов, до обеда: 12—13 часов (в зависимости от объёма работ и обстановки в колонии). И вечером с 17—18 часов до отбоя, т.е. до 22 часов.

Но оперсостав редко когда укладывался в установленные рамки. Особенно вечером. Поработав после съёма с осуждёнными, получив информацию о спрятанной на рабочем объекте браге и других запрещённых предметах, опера вынуждены были бежать на лесобиржу или другой рабочий объект, проводить обыски или устраивать засады, руководствуясь полученной информацией. Обычно всё это делалось после того, как начальник колонии вместе с замами ушли домой, мало ли зачем можно понадобится начальству.

В редких случаях, с разрешения начальства – после съёма осуждённых с рабочего объекта.

Тарасов с Борткевичем частенько устраивали вечерние рейды на рабочие объекты для проверки полученной информации. Иногда просто устраивали тщательный обыск в очередной бригаде. Открыв дверь найденным ключом, они включали свет и, заткнув все окна и щели, чтобы снаружи не было видно, планомерно, буквально по сантиметру проверяли всё подряд. Двигаясь вдоль стен параллельно друг другу, тщательно проверяли рабочую одежду, обувь, стол, скамейки, все подозрительные доски в стенах и полу, щели. При этом все вещи оставляли на своих местах.

Бывали случаи, когда обнаруженный тайник оставался нетронутым. Если из запрещённых предметов там лежала, например, колода самодельных карт или другая мелочь. Этот тайник периодически аккуратно проверялся, пока в нём не оказывалось что-нибудь серьёзное (нож или что-то приготовленное к сбыту – пачка писем для нелегальной отправки, какие-то самодельные сувениры, дрожжи и т.п.) – -. Однажды во время такого обыска парни услышали характерное тарахтение мотоцикла поблизости. Ночью на мотоцикле на рабочий объект мог приехать только кто-то из жителей посёлка, с целью что-то спрятать или забрать спрятанное.

Быстро погасив свет и выйдя из будки, опера притаились в темноте поблизости. В мотоциклистах они по голосам опознали вольнонаёмного сотрудника отделения Петрова и одного из бесконвойников с ночной разгрузки. Причём Петров бывший поселенец, жил в Росинке уже лет десять. Он был убеждённым холостяком, подозревался в гомосексуальных связях с «пету-

хами» из числа поселенцев и бесконвойных. А прикативший с ним бесконвойник невысокого роста Пятаков как раз и относился к категории «петухов».

– Я такую начку забубенил, никакая б... дь не найдёт! – послышался хвастливый голос «петушка». Петров что-то неразборчиво пробурчал глухим басом.

Наблюдая из-за угла домика, как Пятаков осторожно разбирает и откладывает в сторону поленья из кучи дров, Роман, едва сдерживаясь от смеха, спросил шёпотом:

– Будем задерживать?

Тарасов отрицательно покачал головой:

– Зачем? Глянем сначала, что они притараканили.

После отъезда мотоциклистов, парни, подсвечивая фонариками, проверили тайник. В солдатском вещмешке были плотно упакованы две бутылки водки, кусок копчёного сала килограмма на полтора, две банки тушёнки, около килограмма высушенных дрожжей, тридцать пачек сигарет «прима» и несколько плиток чая. Неплохой улов! Ещё бы: есть и выпить и закусить, дрожжи придётся уничтожить, а чай и сигареты пойдут на вознаграждение агентам. Что в свою очередь позволит съэкономить деньги, получаемые для этих целей по секретной статье.

При этом одновременно «убивали несколько зайцев». Не найдя обещанного «грева» «полосатики» (9) естественно предъявят претензии тем, кто должен был спрятать его в обусловленном месте, и получили от них деньги на эти цели. (*Примечание 9. Осуждённые особого режима носили форменную одежду с широкими тёмными и светло-серыми полосами*).

Те, в свою очередь, будучи уверенными, что «полосатые» всё получили и в наглую «кидают предъяву» по беспределу, будут, мягко говоря, возмущены. Как они разойдутся, уже не важно, главное – в эту «дружбу» будет вбит хороший клин. И канал незаконных поставок перестанет существовать. Такой результат Тарасов считал более эффективным, чем оформление Петрова за связь с осуждёнными. Оставалось только выйти с рабочего объекта никем не замеченными, чтобы не подумали на них. Это особой проблемы не составило.

Похожий результат Сергей с Романом хотели получить и от той операции, которую они планировали провести сегодня вечером в посёлке. Они как раз разглядывали переданную каптёром одежду, когда в кабинет, постучав, вошёл бесконвойник.

– Осуждённый Куницкий, – доложил он, – вызывали?

Куницкого в своё время порекомендовал оперативникам замполит колонии майор Светлов. Куницкий периодически делился с замполитом абсолютно ненужной тому информацией об отношениях между осуждёнными, и Светлов посоветовал Тарасову обратить внимание на такие способности зека. Отвечавший за строгий режим Кравцов, после беседы с Куницким, дал «добро» на его работу в аэропорту. Оформил его доверенным лицом. По информации полученной от нового негласного сотрудника уже дважды производилось изъятие спирта для нелегальной продажи, что регулярно завозился в посёлок местными бутлегерами. Причём одна партия была уничтожена в прямом смысле, сожжена возле аэропорта на глазах у свидетелей – пассажиров лично Тарасовым. По-другому в той ситуации нельзя было.

Тарасов, который по должности заведовал регистрацией всего негласного аппарата колонии, знал, что Куницкий является негласным сотрудником, поэтому сразу «взял быка за рога».

– Присаживайся, – кивнул он на свободный стул. (На предложение «садись», зеки обычно отвечают «Спасибо, я уже сажу»).

– Расскажи-ка нам, что ты знаешь о невесте Баранникова, которая должна была прилететь к нему на свиданку?

Внимательно следя за хитрым лисьим лицом Куницкого, Тарасов отметил лёгкое замешательство в его глазах.

– Не смущайся, здесь все свои, – добавил, не отрывая взгляда от бумаг, Борткевич.

– Так это... гражданин начальник, – Куницкий справился с замешательством, демонстративно покосился на дверь и доверительным тоном продолжил, – Олег... в смысле Баранников, попросил меня встретить заочницу, которая должна была прилететь к нему, и проводить её до спецчасти. Но она не прилетела. Потому я вам и не докладывал. А чё докладывать, раз никто не приехал?

– Когда это было?

– Так... сейчас соображу, – Куницкий наморщил лоб, изображая глубокую задумчивость, – где-то в конце июля, числа двадцать пятого – двадцать седьмого. Я несколько дней караулил, но прилетали всё местные, знакомые.

– Можно подумать, что ты тут всех знаешь, – буркнул Роман, роясь в ящике стола.

– Всех не всех... но, как-то примелькались. По фамилиям, конечно, нет, а в лицо... летают то в основном одни и те же.

– Ладно, свободен.

Цензор, тётя Фая, на вопрос о переписке Баранникова сразу сказала, что пишет он только заочнице. Уже год они активно переписываются, дело, судя по всему, идёт к свадьбе. Порывшись в картотеке, она назвала известную уже Тарасову фамилию Арсентьева.

Выйдя от цензора, Тарасов задумался. Кого ещё можно опросить? Остался один Баранников. Вечером придёт с работы, побеседуем...

* * *

– Я сам ничего не понимаю, гражданин майор, – Баранников выглядел несколько растерянным, но смотрел прямо в глаза, не юлил, отвечал спокойно, уверенно. – Ирина должна была приехать месяц назад. Передумать вроде не должна. Я уж тут переживаю, может, где в аварию попала или ещё что...

– А может, по дороге влюбилась в попутчика и уехала к нему? Решила, например, не связываться с зеком, если появился другой кандидат? – Тарасов внимательно следил за мимикой собеседника.

На какую-то долю секунды взгляд Баранникова стал злым, колючим, но он быстро взял себя в руки и покачал головой:

– Исключено, начальник, она не такая.

– Откуда ты знаешь? Ты же её ни разу не видел.

– Знаю. Я с ней больше года переписывался. У неё характер не такой. Она сообщила бы, если бы что-то помешало. Телеграмму прислала бы... ну, не знаю, дала бы как-нибудь знать...

– Тоже мне психолог. По письмам он определил! Ты лично встречать её не пытался?

– Не. Я обратился к зам. по БОРу, чтобы разрешил её встретить, мол, расписываться ко мне едет, почти жена, можно сказать... А он наорал на меня, сказал идти на работу, и не дай Бог, он узнает, что меня не было на бирже – посадит за побег. Ещё добавил, что если все будут тут всяких бл... встречать, то кто будет работать!

– И ты побоялся? Или всё-таки сбегал с биржи потихоньку?

– Побоялся. У него в натуре ума хватит. Побег не побег, а с бесконвойки закрыл бы. А мне сейчас это совсем ни к чему. Я попросил шныря аэропортовского её встретить и проводить до зоны. Потом, когда вертолёт сел, я звонил с биржи в аэропорт. Этот шнырь – Куницкий сказал, что её не было.

Отпустив Баранникова, Тарасов медленно шёл в сторону КПП по территории жилой зоны. Машинально отвечая на приветствия, он отслеживал идущих навстречу осуждённых в полосатой одежде. Заходили ООР (10) со «старой» биржи. (*Примечание 10. ООР – особо опасные рецидивисты*).

Вот, в составе десятой бригады прошёл Куприянов, он же агент «Быстрый». Нижняя пуговица на куртке застёгнута, – значит, новостей нет.

– Здравствуйте, гражданин начальник! – Это Логинов из пятой. Даже кепочку приподнял, что вызвало улыбки бригадников. Мол, выслуживается перед начальством. Для Тарасова это маяк, сообщение оставлено в условленном месте.

«Надо бы пароль поменять, – подумал Тарасов, – один из бригады здороваётся. Когда-нибудь обратят внимание».

Из головы не вылезала беседа с Баранниковым. По всему получается, что Ирины в посёлке не было. Куницкий и Баранников говорят одно и то же. Допустим – сговорились. А где логика? Чтобы изнасиловать и убить? Зачем тогда Баранникову Куницкий? Или, наоборот, Куницкому Баранников? Да и не решился бы Куницкий на изнасилование чьей-то невесты. Тем более Баранникова – довольно-таки авторитетного на строгом режиме. Это равносильно самоубийству. В особо жестокой форме.

Какие ещё могут быть версии? Прилетела. Встретили Баранников с друзьями – Смазновым и Катрановым. Пошли все вместе в сторону «новой» биржи. Больше просто некуда. Этот вокруг посёлка по линии УЖД или вдоль неё около трёх километров. По дороге выпили (привезти могла и Ирина), изнасиловали, убили. Версия слабая. Заранее запланированное убийство с изнасилованием? Про такое Тарасов вообще никогда не слышал, несмотря на весь свой богатый опыт. Сумасшествие какое-то, тем более групповое. Да и Куницкого должны были запугать, он не мог не обратить внимание.

Напились, и всё получилось спонтанно? Это всем троим нужно упиться до скотского состояния. Да и место для пикника... в лесу без мази от комаров и накомарника в июле делать нечего. А сидеть несколько часов выпивать и закусывать... это не Подмоскovie. Тарасов из собственного опыта знал. Не дай бог, в лесу припрёт «по-большому»! Даже, если уложишься в секунды, и то потом пол дня будет вся промежность чесаться от укусов. Комары, мошки, слепни, пауты, – висят вокруг человека тучей, в ушах стоит сплошной гул. Самая сильная и современная мазь помогает от силы на пол часа. Потом надо опять мазать. Да и не на все виды насекомых она действует.

Нет. Маловероятно. Да и не те это люди, судя по их характеристикам.

Наиболее вероятная версия, что Ирина не добралась до Росинки. Надо будет так и ответить завтра на телеграммы.

Приняв решение, Тарасов ускорил шаг, тем более, что съём заканчивался, и ворота уже успели закрыть.

Роман уже ждал в кабинете за зоной, готовый к выходу.

– Мешок с ключами берём? – Он выжидательно смотрел на друга.

Тарасов на секунду задумался. В обычном солдатском вещмешке накапливались изъятые и специально изготовленные хитрые ключи от хитрых замков, которыми закрывались бригадные будки. Опытные зеки знали, замки какого типа сложнее всего открыть. Такие замки и делали на двери своего рабочего жилья. В основном ключи были в форме изогнутой трубки с внутренней резьбой определённого диаметра, хотя попадались и другие конструкции. Весил этот мешок довольно-таки прилично, да и сковывал движения.

– Оставим, – решил Тарасов, роясь в своём столе, – зачем таскать лишнее. Где прячут ключи в разделке по всем бригадам, я знаю. В других... если не знаем – поищем, не найдём – взломаем. Чёрт! Куда я фонарик засунул?

– Ты же его в сейф положил.

– Да? Точно! – Тарасов хлопнул себя по лбу, одновременно открывая сейф, – старею. Видимо, склероз развивается. Ну, всё. Вроде готовы. Погнали?

В первом сообщении, оставленном для Тарасова в условленном месте под эстакадой, говорилось о бригаднике агента Чурилове. Во время совместного употребления браги Чурилов проговорился, что, будучи на свободе, «замочил одного козла», которого считал своим другом. За то, что тот оказался «стукачом». Труп прикопал в сарае в конце огорода возле дома, где

убитый проживал. Хотел позже похоронить глубже, но не успел – посадили. Чурилов поэтому переживал, что могут по запаху обнаружить.

Обсудив с Романом полученную информацию, Серёга решил, что тут нельзя ограничиваться отправлением информации в милицию. Во-первых, милиция может просто отмахнуться от лишней головной боли, отправив отписку – «информация не подтвердилась» или «проверить не представилось возможным». Во-вторых, если отработают как надо и найдут труп – все лавры заберут себе. И, в-третьих, самое главное, – операм на Большой Земле наплевать на наших агентов. От Чурилова не будут скрывать, что труп нашли по полученной «наколке». А тот легко сообразит, когда и кому проговорился и отправит «малявку» (11) на зону. (*Примечание 11. «Малявка» – записка, отправленная скрытым от досмотра путём*).

Тут нужно или вообще ничего не предпринимать, или проситься в командировку по месту жительства Чурилова. И уже там, на месте договориться с коллегами из милиции. Сначала выяснить, кто из окружения Чурилова пропал во время его кратковременного нахождения на свободе между отсидками. Затем установить место жительства пропавшего, Осмотреться и осторожно (по возможности) проверить самим, есть ли труп в указанном месте. Подобрать кого-нибудь на роль прохожего – рыбака, грибника и т.п., «случайно» унюхавшего подозрительный запах.

– При таком раскладе, если всё срастётся, – рассуждал вслух Тарасов, пока они с Романом, не спеша, шли к следующему тайнику, – мы и агента прикроем, и от ментов можно будет выбить какую-то благодарность за содействие раскрытия «висяка». Нам с тобой эти поощрения уже до лампочки, на карьеру вряд ли повлияют, а вот кому-то из молодых... кстати! Вот Махневича можно было бы и отправить. Молодой, холостой, здоровый, не глупый. Попробую договориться с оперотделом.

– Точно, – Роман согласно кивнул, – его скорее отпустят, чем кого-то из нас. Мы то им надёжней жопу прикрываем. На месте нужнее. Только, желательно, чтобы эта информация была от его источника.

– Подарим, – Сергей добродушно махнул рукой, – для своих не жалко. Знаешь, Рома, когда я только начинал работать в оперчасти, как-то получил информацию, что у одного нашего зека дома в подоконнике спрятан боевой пистолет. Это сейчас оружия у населения развелось..., а тогда это было событие!

В общем, отправил я сообщение в милицию по месту жительства. По секретной почте, естественно. С просьбой обязательно сообщить о результатах проверки. В ответ – ни звука! Через какое-то время приходит этому зеку письмо от матери. Она жалуется, что приходили милиционеры, переломали все подоконники в доме. Нашли какой-то пистолет. Её допрашивали. Заканчивалось письмо словами: «Когда же ты, сволочь, перестанешь нас мучить!» От милиции я так ничего и не дождался. Думаю, что они, найдя пистолет, быстренько, задним числом, состряпали сообщение от своего агента. Завели и тут же реализовали агентурное дело. И – вперёд, за медалями! Отсюда вывод – надо это нам? Чужие головные боли?

– Согласен, – Роман кивнул головой, – или пусть делятся славой, или пошли на... вот, кстати, мы и пришли.

Сообщение Роман достал из кучи ржавого железа на территории механизации. Тут же, подсвечивая фонариком, прочитал.

– Ого! Короче, здесь в столярке, – Роман указал рукой на небольшой домик недалеко от бокса с тракторами, – в тайнике приготовлена к отправке партия ширпотреба – ножи кнопочные и охотничьи, браслеты, зеркала. Тайник в верстаке у столяра Гаврикова. Я его знаю, кстати, неплохо. Хитроватый мужик – так... себе на уме.

Ключ от столярки Роман уверенно извлёк из-под обрезка доски, куча которых валялась рядом с домиком.

– Давай сначала тайник найдём, а потом будем громить, – предложил Тарасов, а то вдруг какая накладка, а мы свой интерес засветим.

Несмотря на, казалось бы, точную подсказку, обнаружить тайник оказалось не просто. В качестве ножек у верстака использовались две массивные деревянные плахи толщиной около десяти сантиметров. Парни долго осматривали и ощупывали буквально по сантиметру верстак и всю прилегающую территорию, пока не догадались отодвинуть его от стены.

С тыльной стороны в ножке верстака была обнаружена вырезанная вертикальная ниша, из которой извлекли довольно-таки увесистый свёрток.

Развернув его тут же на верстаке, парни стали с интересом разглядывать добычу. Зеркальца в виде плоской коробочки с открывающейся крышкой из разноцветного плекса, кнопочные ножи разных конструкций и – самое интересное – три охотничьих ножа в ножнах. Причём, если два из них были обычными «рабочими» ножами с ручками из капа, то третий представлял настоящее произведение искусства. Ручка со вставками их разноцветного плекса с выступами для пальцев и лезвие с каким-то хищным изломом и кровостоком.

– Это чья же работа? – Тарасов рассеянно посмотрел на Романа. Тот пожал плечами.

– Так... зеркала – это Лёня Бидюк семнадцатая бригада. Половина кнопарей – Ишунькин из механизации – его работа. Остальные... был бы в зоне Фунт – подумал бы на него, но он уехал, давно. – Тарасов рассуждал вслух, разглядывая ножи, – может у Фунта какие ученики были? Надо будет уточнить. Ну а охотничьи... такое чудо вообще впервые вижу.

– Я что-то тоже такое не припомню, – Борткевич почесал затылок, – может, какой-то новенький заехал?

– Так и так надо будет уточнять. Статью за изготовление холодного оружия никто не отменял.

– Давай разделим так, – Рома как будто боялся выпустить оригинальный нож из рук, разглядывая его вплотную возле тусклой лампочки. – Этот красавец мне, а тебе всё остальное?

Сергей пожал плечами:

– Я не против. Но, по-моему, ты это зря. Сам подумай, куда он тебе? На охоту с ним не пойдёшь. На стенку повесишь? И будешь переживать, чтобы сын его куда-нибудь на улицу не утащил, друзьям показать? Или засунешь подальше, в угол какого-нибудь сундука? Где он и будет лежать годами, ржаветь.

Роман задумался:

– По ходу, я погорячился...

– Во-о-от! Я предлагаю этот нож оставить в качестве сувенира для большого начальства – прокуроров, всяких комиссий и т. п. В общем – пригодится. А остальное поделим по-братски. Тут, кажется, всё чётное.

Серёга быстро разделил всё на две примерно одинаковые кучки.

– Так. Ты отворачиваешься, а я втыкаю этого красавца возле одной из куч и отхожу. Ты говоришь, какая из куч твоя – с ножом или без.

– Давай! – Роман отвернулся и, для верности, отошёл на пару шагов. Услышал характерный звук, сказал, – с ножом!

– Ну вот. Всё справедливо. Теперь давай наводить здесь беспорядок. Надо же сделать вид, что мы это нашли в результате обыска.

Дальнейшие действия были отработаны неоднократно. Парни, двигаясь вдоль противоположных стен, сбрасывали рабочую одежду с гвоздей на стене, распахнули дверцы стола и тумбочек, раскидали сапоги, что сушились у печки. При этом весь рабочий инструмент остался на месте. Так же, как и обнаруженные в столе мешочки с крупой и сухарями. На всё это безобразие ушло не больше пяти минут.

– Ну, всё уходим. Ключ на место положи. Пусть думают, что своим открыли. Что у нас там со временем? Ага! С часик ещё есть. У тебя ещё есть информация для обыска?

– Нет. На сегодня всё. – Роман выключил свет в домике и начал закручивать хитрый замок, – а у тебя?

– Ещё одно сообщение надо забрать. Тут рядом, в разделке.

На этот раз, чтобы забрать сообщение, пришлось открывать бригадную будку. Агент работал поваром в бригаде, уходил всегда последним, сам закрывал дверь и прятал ключ. Сообщение было в рабочих сапогах под стелькой в правом от входа углу.

– Может пошмонаем (12), время ещё есть, – предложил Роман, посветив во все углы фонариком. (*Примечание 12. «Шмонать» – обыскивать (жаргон.)*)

– Смысла нет. – Сергей вчитывался в сообщение. – Они в курсе, что я знаю, где ключ лежит, поэтому ничего запретного дома не держат. Знаешь, что в сообщении? Бригадник Кушхов – то ли осетин, то ли дагестанец – подозрительно много времени проводит на берегу реки. Рыбу не ловит, просто ходит, что-то высматривает. Особенно много внимания уделяет угловой вышке, хотя с солдатами общаться не пытался.

– На лыжи встать собирается?

– Агент тоже подозревает, что он в побег намылился. Хотя... насколько я помню, срок у него небольшой. Надо будет уточнить, и вообще – присмотреться. Ну что, на сегодня хватит? У нас ещё мероприятие. Погнали в штаб.

Только парни успели разложить по сейфам трофеи, как после осторожного стука в дверь заглянул Маркин. Быстро убедился, что в кабинете никого посторонних нет, и пропустил в дверь крепкого солдата с погонями сержанта.

– Вот... как обещал.

– Ну-ка примерь. – Тарасов развернул перед солдатом свёрток с зековским обмундированием.

Сержант взял в руки бушлат и удивлённо посмотрел на своего командира.

– Ты что, не объяснял ему суть боевой задачи? – догадался Тарасов.

– Нет, конечно. Я сказал, что нужно помочь оперативникам в одной секретной операции.

– В принципе – правильно. Зачем раньше времени раскрывать все карты? – Тарасов повернулся к сержанту и, строго глядя на него, объяснил, – Тебе предстоит участвовать в оперативной комбинации. А конкретно: под видом бесконвойника заберёшь с квартиры в посёлке нелегальную посылку для наших зеков и отдашь её нам. Мы бы и сами это сделали, но нас в посёлке знают в лицо и не поверят. Задача понятна?

– А как я найду квартиру?

– Мы проводим. И вообще, будем находиться всё время рядом, буквально в пяти метрах. Подстраховывать.

– Не дай бог, что-нибудь случится с моим бойцом, – Маркин явно набивал цену, – что я его родителям потом скажу!

– Да я же говорю – риска никакого. Не нагнетай Серёж! Мужичёнка плюгавенький, живёт один. А боец у тебя вон какой крепкий парень!

Боец расправил плечи и заулыбался.

– Когда закончите, позвоните. Я буду у себя в батальоне. Как привёл его к вам, так и заберу, – Маркин вышел.

Переодев сержанта в зековскую робу, опера остались довольны. Размер – как по заказу.

– Ты, главное, козырёк на глаза надвинь, – инструктировал по дороге Роман, – в темноте и так плохо видно, а так... вообще, свои ребята не узнают, с кем служишь.

– А собака там есть?

– Даже две, но они на цепи, не бойся.

– И кот ещё, – добавил Тарасов, и парни заржали.

– А что кот? – не понял сержант.

– Да так... отдельная история. Будет время, расскажем.

Ближайшая к нужному дому лампочка горела на столбе возле амбулатории. Подходы к калитке надёжно укрывались в тени деревьев.

– Ну, давай! Запомни, ты – из ночной разгрузки со старой лесобиржи. – Напомнил инструктаж Тарасов, – пришёл за посылкой. Если скажет, что не знает тебя – ты новенький. А старых всех позакрывали

– Да помню я, – сержант уверенно вошёл в калитку под суматошный лай собак. Опера присели за забором, напряжённо всматриваясь во двор.

Как они ни прислушивались, из негромкого диалога удалось разобрать только довольное Володино «Ну, наконец!» Всё заглушал лай взбесившихся псов, которых уже начали поддерживать коллеги из соседних дворов.

Выйдя за калитку, силуэт с мешком на плечах поскользнулся и упал под его тяжестью. Парни подхватили сержанта вместе с мешком.

– Ни хрена себе посылочка! – прошептал Роман, прикидывая мешок на вес.

– Он сказал, что здесь две посылки и две передачи, – рассказывал сержант, когда они втроём тащили мешок в сторону моста. Напряжение потихоньку его отпускало. Глаза весело блестели при свете взошедшей луны. – Говорит, пол месяца это всё лежало. Накопилось. Сам на больничном, завезти не может, а никто не приходит.

– Не удивился, что незнакомый?

– Да не! Обрадовался, что избавился от груза. Сам то ли пьяный, то ли с похмелья. Прёт от него...

– Да он всегда такой, – пояснил Роман, – а тут ещё и на больничном. На законных основаниях!

– Кто-то идёт навстречу, – Тарасов напряжённо всматривался в силуэт на мосту. – Давай мешок пронеси один. Мы будем поддерживать незаметно, как будто бесконвойника конвоируем.

– Поймали негодяя! – К ним приблизился офицер с погонами старшего лейтенанта. От него пахло свежим запахом водки. – Молодцы, мужики! У-у-у, козлиная! – Он сделал попытку пнуть «бесконвойника» ногой.

– Не надо, – придержал его Тарасов, – ему уже и так досталось. Пусть хотя бы мешок дотащит.

Сзади ещё слышался довольный смех офицера, когда сержант, оглянувшись, прошептал:

– Мой командир роты. Не узнал!

– Я же говорил, тебя свои не узнают, – прокомментировал Роман. А Сергей подумал, что в таком состоянии старлей своего подчинённого и в солдатской форме мог не узнать.

Больше нежелательных встреч до штаба колонии не было.

Войдя в кабинет, Тарасов сначала позвонил Маркину, затем вместе с Борткевичем вывалили на стол трофеи и стали их сортировать.

Две посылки в стандартных почтовых ящиках тут же были вскрыты. Третья – передача, по весу была такая же, как посылки. А четвёртая представляла собой мешок, по весу равный первым трём вместе взятым. По сопроводительным запискам были сразу установлены адресаты и отправители. Большая передача предназначалась осуждённому Соловьёву – бригадиру семнадцатой бригады.

– К нему мама недавно приезжала на свидание, – припомнил Тарасов, – худенькая такая старушка. Из Подмосковья добиралась. И как только она всё это дотасила! Что-то же ещё во время свидания нужно было есть. Да и официальная передача наверняка ещё была...

– Мама, они знаешь, какие выносливые, – философски заметил Роман, выкладывая содержимое мешка, – да и встречали наверняка... Смотри, что заботливая мамаша сыночку подогнала. Теофедрин, реланиум... ого! Этаминал натрия! Она явно не хочет, чтобы сынок дожил до свободы!

Роман выкладывал на стол перетянутые резинками прессы из упаковок с таблетками и ампулами. Когда его рука вытащила из мешка трёхлитровую металлическую флягу, в которой что-то булькнуло, Роман мельком взглянул на сержанта. Тот стоял вполоборота и переодевался. Борткевич обменялся с Тарасовым понимающими взглядами и сунул флягу под стол.

Содержимое во всех посылках было примерно одинаковым: дрожжи, сахар, сигареты, чай, сало, консервы. В одной из посылок оказалась бутылка водки. Она была тщательно обложена более мягкими продуктами. В другой – плоская бутылка коньяка.

– Руки здесь можно где-нибудь помыть? – поинтересовался сержант. Он закончил переодеваться и с интересом поглядывал на кучу продуктов на столе.

– А вот, за дверью в коридоре умывальник, – Роман распахнул дверь, показывая, – мыло здесь, а полотенце у нас в кабинете на вешалке.

Пока сержант плескался, Тарасов негромко спросил:

– Слышь, Рома, может мы этот красивый ножик Маркину и подгоним за содействие?

– А что? Я думаю, само то будет. Ему должно понравиться.

– Ну, как тут у вас? – Лёгко на помине, в дверях показался Маркин.

– Операция прошла успешно. Всё по плану. Сержант твой на высоте, достоин поощрения. – Тарасов кивнул на довольного сержанта.

– Я уже понял, – Маркин указал глазами на заваленный стол, – а его командир?

– Само собой, – Тарасов сунул руку в распахнутый сейф и протянул Маркину нож в ножнах, – у нас с поощрениями не задерживается. Это вам не там! – Он показал пальцем вверх.

– Ни хрена себе! – Маркин разглядывал вынутое их ножен произведение искусства. – Красавец! И не жалко?

– Для тебя, Сергей Геннадьевич, ничего не жалко. Самое лучшее отдаём, что есть! – Тут Тарасов нисколько не кривил душой.

– Он что же, был среди этого? – Маркин показал на стол.

– Нет. Это обычно идёт в другую сторону. Не к нам, а то нас.

– А-а, ну да... что-то я затупил, – Маркин не мог оторвать восхищённого взгляда от ножа. Потом спохватился, оглянулся на сержанта – тот вытирал руки полотенцем – и спрятал нож за пазуху.

– Ну, а ты, боец, выбирай, что нравится. – Роман подтолкнул сержанта к столу.

– Да я как-то... – сержант замялся.

– Ты куришь? – попробовал помочь ему Тарасов.

– Курю. Только... – сержант смотрел на упаковки дешёвых сигарет, – ... с фильтром.

– Понятно. – Тарасов взглянул на стол, где преобладала «прима», и вынул из сейфа блок «космоса», – такие пойдут?

– Конечно, – сержант не смог скрыть счастливой улыбки, – спасибо!

– Это тебе спасибо. Бери консервы. Сало хочешь?

– Нет. Спасибо, хватит.

Пока Роман силой засовывал сержанту в карман бушлата две банки сгущёнки, Тарасов спросил у Маркина вполголоса:

– Ну, что, Серёж, отметим удачную операцию?

– Не. Я сегодня ответственный по батальону, – Маркин с сожалением окинул взглядом стол, развёл руками, – в другой раз. Всё. Мы пошли. А то вы мне тут лучшего бойца совсем развратите.

– Главное, чтобы лучший командир не испортился, – крикнул в спину Маркину Тарасов.

На сортировку трофеев ушло ещё пол часа. Проверили флягу с жидкостью. Как Тарасов и предполагал, пахло водкой. Роман тоже понюхал:

– А может спирт? Сейчас проверим.

Он быстро оторвал кусочек бумажки, сунул в горловину фляги. Вытащил и щёлкнул вынутой из стола зажигалкой. Глядя на вспыхнувшее весёлое синее пламя, парни хором констатировали:

– Спирт!

Как бы подтверждая мнение «экспертов», две капли упали на стекло стола и продолжали гореть.

– То, что спирт, это понятно, – Тарасов закрутил пробку фляги и сунул её в сейф, – а вот, съедобный ли? Как бы не травануться.

– Конечно съедобный! – Роман даже удивился бестолковости начальника. – Ты что, думаешь, его прислали топоры смазывать?!

– Прислали пить, но ведь им по барабану, что пить! Вон, в посёлке торгуют каким-то техническим спиртом. Все пьют. Никто не сдох. А если кто и умрёт – докажи, что именно от этого!

– Так, что ты предлагаешь?

– Надо провести экспертизу. А кто у нас лучшие эксперты по спирту? Врачи! А кто лучший из врачей?

– Мирза!

– Во-о-т! Завтра отольём с пол литра и занесём ему перед обедом. Он сразу определит. Куда нам спешить?

– Так, а что, сейчас то не тяпнем?

– Рома! Первый час ночи. Если начнём, мы же не успокоимся на одной бутылке. А там и до спирта доберёмся. Будем дегустировать, пока не кончится.

– Так то оно так... но, блин, коньяк так и стоит перед глазами!

– Ни чё! Коньяку лишняя выдержка только на пользу. Да и нам, честно говоря. Всё, пошли домой.

26 августа 1994 года

На следующее утро, подходя к штабу колонии, Серёга мысленно нахваливал себя за то, что вчера удержался от пьянки и удержал друга. Как бы они оба выглядели сейчас! В то же время он понимал, что изъятое спиртное надо будет «уничтожить» уже сегодня вечером, иначе коллеги его просто не поймут. Присутствовать при «уничтожении путём распития», а самому не пить? Как-то не по-русски. Да и жаба задушит. Ещё бы! Трофеи добыты по его информации и его активном участии, а употреблять будет кто-то?

Серёга пытался убедить себя, что можно поучаствовать в распитии коньяка, а потом сказать, что, мол, не хочется мешать. Придумать какую-нибудь причину и свалить домой. Но, зная себя, он был уверен, что так не получится. Скорее всего – затравится и продолжит наравне со всеми.

Эти мысли не покидали его во время развода. Машинально здороваясь с офицерами, фиксируя маяки от осуждённых и решая другие мелкие текущие вопросы, Тарасов думал о предстоящей вечером гулянке.

Сразу после развода он проскочил в кабинет оперчасти за зоной и закрыл за собой дверь на ключ. Друг и напарник по кабинету Роман ушёл с кем-то разбираться в штрафной изолятор, поэтому Тарасов мог на какое-то время уединиться.

Сначала, вспомнив о принятом вечером решении провести экспертизу спирта, Тарасов отлил из фляги в поллитровую бутылку из-под водки. Взял из стола пластмассовую пробку, заткнул ей бутылку и поставил её в сейф. Потом немного подумал и повторил процедуру. Вторую бутылку со спиртом поставил в холодильник. Благо проблем с пустыми бутылками и пробками в этом кабинете никогда не было. Раз в неделю, иногда и чаще уборщица тётя Маша выгребала пустую тару из встроенного шкафа, где находилась вешалка для одежды. Но стеклотара с завидным постоянством откуда-то опять появлялась на этом месте.

Такая же картина наблюдалась и в соседнем кабинете оперчасти, где работали Кравцов и Махневич.

Одной из причин такого явления было то, что во всём штабе только эти кабинеты были чисто мужскими и имели двойные двери, через которые подслушивать разговоры было проблематично. Поэтому все мероприятия, связанные с употреблением спиртного, происходили в этих кабинетах. Это и дни рождения, и обмывание очередного звания, новой должности, и убытие в отпуск, и возвращение из него и т. д. и т. п.

Здесь даже имелся небольшой холодильник допотопной конструкции. Он стоял в кабинете ещё до того, как Тарасов впервые пришёл сюда лейтенантом. В настоящее время холодильник был битком набит солёным и копчёным салом, банками с мясными и рыбными консервами. Часть банок, что не вместились, пришлось поместить в сейф, потеснив папки с секретными делами.

Покончив со срочными личными делами, Тарасов перешёл к служебным.

В первую очередь надо было дать ответ на телеграммы о пропавшей девушке. Сергей ещё раз перебрал в памяти результаты вчерашней проверки. Вроде ничего не забыл. По всему получается, что девушка в посёлке не появлялась. Каких-либо агентурных данных по этой теме в течение последнего месяца не поступало.

Тарасов быстро набросал текст ответа на телеграммы и направился было уже к двери из кабинета, как услышал характерный звук ключа в замке и приглушенные голоса.

В кабинет вошёл с недовольным лицом Борткевич и следом за ним... Васильков с надвинутой на глаза фуражкой.

– О! Серёга, привет! – поздоровался с тёзкой Тарасов, – какими судьбами в наших краях?

– Есть что-нибудь охмелиться? – не стал ходить вокруг да около Васильков.

Похмелить друга – это святое. Отказать Тарасов никак не мог. Но с другой стороны – его ведь отсюда не выгонишь, пока всё не кончится или пока не вырубится. На старые дрожжи много не надо. И уйти – не уйдёшь. Не оставишь же постороннего в секретном кабинете. Да и пили здесь обычно вечером, когда начальство уходило.

– Пол стакана водки тебе хватит? – Тарасов принял решение. Роман удивлённо посмотрел на него.

– За глаза, – Васильков сразу оживился, – а что, есть и больше?

– Вчера спирта немного перехватили. Сами ещё не пробовали, может его и пить то нельзя. Хотели врачам на экспертизу сначала...

– Я сам лучший эксперт в посёлке. Доставай, сейчас продегустирую. – Васильков хозяйски уселся за стол, положил на него фуражку и достал из кармана две конфетки.

– Давай только так, Серёга – выпиваешь, закусываешь, и мы все уходим. У нас тут работы в зоне – вагон и тележка и всё срочное.

– Я и говори ему, – добавил Роман, – что у нас запарка. А он своё – умираю, выручайте...

Тарасов достал из холодильника газетный свёрток и развернул на столе закуску – мелко нарезанное сало, лук и зачерствевший кусок хлеба, – всё, что осталось с прошлого раза.

– Убери дежурные конфетки, – кивнул он на стол, – пригодятся ещё.

Васильков согласно кивнул и убрал конфеты в карман.

Тарасов достал из холодильника не успевшую остыть бутылку со спиртом и налил четверть стакана.

– Ты же говорил – пол стакана, – напомнил Васильков.

– Я говорил о водке, а это спирт. Разбавишь, как раз пол стакана будет.

– Фуфло толкаешь, начальник...

– Нам же тоже хочется. Что тут остаётся на четверых? – Тарасов долил из графина воды до половины стакана.

– Вы себе ещё... наизымаете. – Васильков осторожно отхлебнул из стакана, задержал жидкость на секунду во рту, задумчиво глядя на потолок, проглотил, прислушался к своим ощущениям и допил залпом остальное. Потом занюхал хлебом, кинул в рот кусок сала, вздохнул, и, жуя, вынес вердикт. – Спирт как спирт. Если к утру не помру, – значит, съедобный.

– Ну, всё, уходим! – Тарасов подмигнул Борткевичу. – Рома, заскочи в спецчасть, возьми дело этого гуся вчерашнего... Кушхова, а я – в канцелярию, телеграммы отправлю. Серёга, если что, ты нас не видел, мы тебя тоже.

– Само собой. – Васильков явно повеселел. Он с хрустом откусил от краюхи хлеба, сунул в рот ещё кусок сала и лука и пошёл на выход.

Тарасов быстро убрал со стола в холодильник, взял черновики телеграмм и, выйдя за Борткевичем из кабинета, закрыл его на ключ.

Отправив телеграммы, Тарасов выбросил из головы историю о пропавшей девушке, будучи абсолютно уверенным, что больше он об этом ничего не услышит.

После возвращения в кабинет, Тарасов стал листать личное дело осуждённого Кушхова. Бегло просмотрел список статей, по которым тот ранее привлекался. В основном кражи. Срока: три года, три раза по четыре, и последний – пять лет. Один год уже отбыл. Обычная биография рецидивиста. Никаких намёков на побег в прошлом. Ни взысканий, ни поощрений. Даже характеристики ещё нет ни одной. Ну, конечно, год исполнится только через месяц, тогда начальник отряда и напишет.

Как отнестись к полученной информации? Поручим агенту на всякий случай присматривать за ним. Поставить на учёт переписку, может дома на свободе какие проблемы? Или здесь кому проигрался? Мало ли причин для побега бывает? Большой срок это не главное.

Тарасову вспомнился первый побег, который он застал в этой колонии. Зима. Мороз около сорока градусов. Сильный ветер и метель. Один из осуждённых по фамилии Калюжный

около пятидесяти лет по возрасту заметил упущение в охране. Один из солдат поднял воротник тулупа и всячески отворачивался от холодного ветра, абсолютно не глядя на конвоируемых. Остальные конвоиры находились на удалении и из-за снега тоже плохо могли рассмотреть что-то рядом с собой, не говоря о том, что происходит вдали. Калюжный спокойно прошёл за спиной этого бойца и присел за ёлочкой на опушке леса. Никто не заметил. Колонна ушла вперёд. Калюжный прошёл по тропинке через лесок, вышел на лесовозную дорогу и направился по ней в сторону колонии-поселения. К побегу он не готовился. Местности не знал. Шёл, куда глаза глядят. С собой было пол буханки хлеба, коробок со спичками и пол пачки сигарет. До конца пятилетнего срока оставалось четыре месяца.

Спохватились во время съёма с работы. На следующий день осуждённых на работу не вывели. На лесобирже проводились повальные обыски – а вдруг спрятался. В колонии формировались группы перехвата. Их обычно выставляли с вертолётки на всех возможных направлениях движения «побегушника».

Один лейтенант – начальник отряда утром ехал на лесовозе для плановой замены на вахтовый. Километрах в двадцати от посёлка он увидел человека в полосатом бушлате и таких же ватных штанах. Он медленно шёл по краю дороги. Услышал сзади шум мотора, он отступил в сторону в снег и поднял руку, голосуя. Лейтенант вышел из остановившегося Урала и спросил:

– Ты Калюжный?

– Я Калюжный! – Хотя фамилия его и так была написана большими буквами хлоркой на бушлате.

– Куда ты идёшь?

– Не знаю.

– Ну, садись, подвезу.

Лейтенант заставил водителя лесовоза развернуться и привёз Калюжного в зону. Тот не сопротивлялся. Наоборот, страшно обрадовался, что вернулся в привычную обстановку. В тепло. «За мужество и героизм, проявленные при задержании особо-опасного преступника», лейтенант был награждён медалью.

Петушиные бои.

В кабинет оперчасти вошёл главный врач Росинки Мирза Агарагимов и отвлёк Тарасова от размышлений.

– Какие люди! – Тарасов почтительно встал и протянул руку, здороваясь. Борткевич отвлёкся от писанины и последовал его примеру. – А мы хотели сами к тебе заглянуть перед обедом...

– Постановление выписали? – Врач явно торопился.

– Какое постановление? – Тарасов удивлённо посмотрел на доктора, машинально перевёл растерянный взгляд на Борткевича.

– Забыл тебе сказать, – Роман хлопнул себя по лбу, – у нас ночью в санчасти зек умер. Полушкин – из петухов. Я хотел тебе... а тут Серёга «умираю, спасите...», мозги, в общем, закомпостировал...

– Так ты уже вскрывать пришёл? – посмотрел Тарасов на Мирзу. – А что, наш доктор Кох не хочет?

– Он лечил от перитонита. Там что-то не совсем понятное. Ран на теле нет. В общем, как говорится, «что б не было базаров на пересылках», вскрывать нужно мне. Пишите быстро постановление на вскрытие, я тороплюсь. Мне ещё сегодня в Ново-Быково надо. Или давайте, я начну, а постановление принесёте в морг, как напишите.

– Подожди, Мирза. Тут к тебе один вопрос по специальности срочный. – Тарасов вынул из холодильника начатую бутылку со спиртом. – Можешь определить, нормальный спирт или нет?

– А что тут определять... дай стакан.

Мирза плеснул немного спирта в стакан, понюхал его. Затем отпил, подержал немного во рту, как бы прислушиваясь к своим ощущениям, задержал дыхание, налил в стакан из графина воды, запил, выдохнул:

– Обычный спирт. У нас в аптеке такой же. Пишите постановление, я пойду, начну. Вопросы обычные?

– Ну да, – Тарасов порывлся в столе, нашёл нужный бланк. – Когда и отчего наступила смерть Полушкина? Не является ли смерть насильственной?

Когда Мирза вышел, Тарасов позвонил в санчасть, уточнил у врача колонии майора Коха обстоятельства смерти Полушкина. С каким диагнозом тот поступил на лечение, сколько дней пробыл в стационаре, чем лечили. Положил трубку и удивлённо заметил Борткевичу:

– Доктор по ходу в недоумении. Не ожидал, что зек помрёт. Молод ещё, говорит, двадцать восемь лет всего.

Проблема для сотрудников оперативного отдела заключалась в том, что, в отличие от вольных, к умершим зекам государство относилось более внимательно. По каждому такому случаю обязательно проводилось дознание, собирались материалы, как и по уголовному делу. Проводилось судебно-медицинское исследование трупа. Выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Если, конечно, в процессе не выявлялся какой-нибудь криминал. Короче у оперативников, и без того заваленных работой, появлялись дополнительные головные боли.

Но в этой бочке дёгтя была одна большая ложка мёда. Для дезинфекции инструмента, что использовался при вскрытии, по закону полагалось четыреста грамм спирта. Основанием для получения спирта в аптеке являлась копия постановления, которое сейчас и выписывал Тарасов. Спирт по традиции выдавался оперативникам и вечером «уничтожался» совместно с врачом, проводившим вскрытие. А инструмент дезинфицировал медбрат, помогавший при вскрытии, старинным народным способом – бензином.

Поэтому Тарасов очень удивился в начале оперской деятельности радостному оживлению опытных коллег – «У нас жмурик в санчасти!»

Выписав постановление, Тарасов взял копию свежерождённого документа и направился в морг.

Мирза встретил его радостным возгласом:

– Как раз вовремя! Я уже хотел за тобой посылать. Вот тебе причина смерти, – и он пальцем в резиновой перчатке пошевелил какой-то орган в разрезанном теле.

Тарасову часто приходилось присутствовать при вскрытиях трупов, поэтому никакого мистического ужаса перед покойниками он давно не испытывал. Единственное, к чему он не мог привыкнуть – к сопутствующему запаху. Он подошёл вплотную к трупу, посмотрел на внутренности, но ничего не понял.

– Уважаемый профессор, объясните, пожалуйста, дилетанту.

– Причина смерти – лопнувшая селезёнка. А на второй вопрос отвечаю: сама по себе она лопнуть не могла, только от удара.

У Тарасова сразу испортилось настроение. Это означало, что нужно возбуждать уголовное дело и искать виновных. Уголовное дело – это значит преступление. А за каждое допущенное преступление в обязательном порядке наказывался оперативник, который отвечает за этот объект. Полученное взыскание автоматически отдаляло получение очередного звания до его погашения. Тарасов все звания получал с задержкой на год – два из-за таких вот не вовремя полученных взысканий. Даже если до очередного звания далеко, всё равно неприятно, когда

единственным видом поощрения является снятие ранее наложенного взыскания. И ещё. Количество совершённых преступлений было одним из главных минусовых показателей в работе оперчасти.

Поэтому одним из качеств ХОРОШЕГО опера было умение спрятать преступление, свести его к несчастному случаю. И хотя об этом вслух не говорили, но неофициально это качество ценилось и руководством оперативного аппарата Управления. Их тоже тыкали носом в количество преступлений, как показатель плохой работы по профилактике преступности.

– Мирза, а этот удар в обязательном порядке нанёс кто-то посторонний, или он сам мог удариться обо что-то?

Мирза на секунду задумался:

– Честно говоря – маловероятно. Но теоретически – возможно. Если, например, человек поскользнулся и упал со всего размаха на бревно левым боком. Да если ещё на бревне выступ был в виде толстого сучка, например...

– Во-о-т! Я тебя попрошу, в заключении так и укажи: от удара твёрдым тупым предметом или от удара тела о твёрдый предмет.

– Да какая разница – предметом по телу или телом по предмету! Только писанины больше.

– Не скажи. Для меня есть разница. Ты уж, пожалуйста, не поленись на лишнее предложение.

– Ладно. Для тебя, Серёга, всё что хочешь! Разве что не могу написать – умер от старости, все остальные органы – хоть в космос запускай! – И довольный своей шуткой, доктор рассмеялся.

Выйдя на свежий воздух, Тарасов вспомнил, как однажды, лет десять назад, его внимание привлекло также неуместное веселье в этом же морге. Случайно проходя мимо, он услышал взрывы хохота и громкие весёлые голоса. Всё это доносилось из самого мрачного строения. Он вспомнил, что в соседней, отдельной тогда колонии, кого-то убили, и догадался, что врачи проводят экспертизу трупа. Когда его удивлённое лицо показалось в полуоткрытой двери, врачи – два молодых парня – призывно замахали руками, мол, заходи.

– Может, ты нам поможешь..., мы тут наколки описываем. Как вот это описать цензурными словами?

На бедре покойного красовалась татуировка, точнее целая картина. Сюжет её, говоря цензурно, заключался в том, что чёрт совершал половой акт с попом, стоявшим в позе рака. Причём художник, автор этого произведения, явно был талантом. Все детали были изображены очень чётко. И довольная морда черта с рожками на голове, и огромный кривой половой орган, воткнутый в пухлый зад плачущего священника, и свисающий с шеи крест и даже выглядывающий из-за пенька заяц с круглыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.